

СЕРГЕЙ МИЛУШКИН

ПОСЛАНИЕ ИЗ
ПРОШЛОГО

16+

Послание из прошлого

Сергей Милушкин

Послание из прошлого

«Автор»

2021

Милушкин С.

Послание из прошлого / С. Милушкин — «Автор»,
2021 — (Послание из прошлого)

Главный герой Виктор Крылов находит в шкафу родительского дома магнитофон, который позволяет передавать послания в прошлое, в 1984 год, когда он был обычным шестиклассником в СССР. Он окунается в водоворот событий: первая любовь, дружба, предательство, измена и... головокружительные опасные приключения. Он попытается спасти свою девушку от жуткого преступления и изменить не только собственную судьбу, но и судьбы окружающих людей. Готов ли он заплатить за это самым важным и ценным, что у него есть?

© Милушкин С., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	33
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	54
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Милушкин

Послание из прошлого

Глава 1

2010 год

Виктор открыл старую дверь квартиры на третьем этаже четырехэтажного дома и прислушался. Никого. Тишина. Он постоял, не решаясь пройти внутрь. Провел пальцами по растрескавшийся дерматиновой обивке. Шершавая поверхность была удивительно знакомой и даже какой-то теплой.

Сделав шаг, его взгляд автоматически опустился в угол коридора – здесь всегда лежал мяч, который они ежевечерне гоняли с пацанами во дворе под сенью огромных раскидистых дубов.

Мяча не было. Толстый слой пыли на полу дрогнул от сквозняка – пылинки взлетели и закружились в солнечном вихре. Яркий луч солнца, падающий из кухни, выглядел нарядным и даже праздничным, он сильно диссонировал с общим видом помещения – бедным и каким-то невыразимо печальным.

Виктор вздохнул. В этот момент позади него хлопнула дверь и из проема показалась маленькая старушка с ведром в руках.

Виктор оглянулся и вздрогнул. По его спине пробежали мурашки.

Не то чтобы он боялся кого-то встретить, в этой жизни он уже перестал бояться... но...

– Витя... – тихо сказала женщина. – Это ты? Витенька...

Женщина охнула и прислонилась к стене.

– Господи, – прошептала она. Слезы побежали по ее щекам, и Виктор почувствовал, как сердце его сжалось.

– Тетя Оля... – тихо сказал он. – Это я...

Она поставила железное ведро на пол.

– Маша... Мария Павловна... не дождалась... Господи, Витенька... как же так...

Он подошел к ней и мягко обнял. В горле стоял ком.

– Простите меня... тетя Оля...

Она немного отстранилась, покачала головой.

– Да за что же, родненький... от тюрьмы, да от сумы... Жаль Мария Павловна не дождалась тебя. Ты даже не представляешь, как она ждала...

– Приговор отменили, – сказал он тихо. – Дело отправили на новое расследование по вновь открывшимся обстоятельствам...

– Она до последнего верила, что ты не убивал. Не мог этого сделать...

Виктор покачал головой и отвернулся, чтобы тетя Оля не увидела его мокрых глаз.

– Кроме нее никто не верил, – тихо сказал он. – Даже адвокат говорил, признайся, скостят срок...

Тетя Оля, которую Виктор помнил как женщину властную, дородную, но вместе с тем, сердечную, теперь будто высохла, съежилась, сжалась. Виктор всегда немного побаивался ее и периодически был тянут за уши за то, что таскал яблоки с ее дерева под окном. Она была бездетной и незамужней – всю жизнь проработала директором столовой неподалеку.

– Спасибо вам, тетя Оля, – Виктор посмотрел на ее заплаканное лицо и чуть улыбнулся. – Спасибо, что были с мамой до конца.

Она чуть качнула головой и сжала его кисти в своих сухих костлявых ладонях.

– Ты останешься теперь или...

Виктор покачал головой.

– Пока не решил, – сказал он.

– Ну иди... – кивнула она на открытую дверь. – Иди...

До полудня Виктор убирал в квартире, проветривал, стирал шторы, помыл пол, вычистил плитку и отдраил окна. Руки дошли до шкафа – огромного старинного шкафа из красного дерева, невеста как очутившегося в их семье.

С трепетом смотрел на платья и одежду матери – вещи висели на плечиках, чистые, опрятные, они будто бы ожидали, что их хозяйка вот-вот вернется.

Виктор потянул за ручку и выдвинул большой ящик внизу шкафа. Он был забит фотоальбомами, отелными карточками, мелкими хозяйственными принадлежностями и прочими житейскими мелочами. Многие из этих вещей он хорошо помнил. Например, вот эти изогнутые ножницы, которыми он чуть не оттяпал себе полпальца в три года. Или синяя лампа, которой ему грели уши, когда те болели. Виктор с удивлением обнаружил, что сама лампочка до сих пор цела и невредима. Сколько же лет прошло? Тридцать? Сорок?

На дне ящика он обнаружил красную картонную коробочку с овальным логотипом «СЛАВИЧ» и надписью «Лента магнитная ТИП А 4409-6Б», покрутил ее в руках, потом повернул боком и из нее вывалился странный предмет, назначения которого он сразу не вспомнил, а когда узнал, то улыбнулся. Матовая пластиковая катушка с измятой на конце коричневой пленкой.

Конечно же, это была магнитофонная бобина. Таких уже давным-давно не делают, и никто их не использует. Откуда она у матери и что на ней записано? Было бы интересно послушать. Виктор не помнил, чтобы у них когда-нибудь был магнитофон. Возможно, отец... перед отправкой в Афган записал... С войны Алексей Петрович не вернулся.

Виктор помнил отца смутно, скорее его образ, запах, добрые сильные руки...

Он отложил бобину, попытался продолжить уборку, но лежащая на подоконнике магнитофонная пленка притягивала его взгляд словно магнит.

– Что же там может быть? – вслух спросил он, но никто ему не ответил. Мать, сколько он помнил, никогда не рассказывала про эту пленку.

Он снова взял бобину в руки. Как же можно ее послушать?

Даже если в городе и остался кто-то из его старых друзей или знакомых, то, конечно, ни у кого из них такой техники уже давным-давно не было. Да и встречаться с кем-то после того, что произошло, Виктор не очень хотел – ставить людей в неудобное положение было не в его правилах. После того, как на него повесили преступление, которого он не совершал, почти все в городе считали его виновным – убийцей. Вряд ли бы кто-то захотел с ним разговаривать.

Виктор достал дешевый телефон, который он успел купить на вокзале за деньги, заработанные в тюрьме, покачал головой и усмехнулся.

– Сейчас же и ходить никуда не нужно... – вполголоса сказал он. – Достаточно скачать приложение.

Через пять минут он уже отыскивал старый бобинный магнитофон на местной доске объявлений, договорился о встрече и, довольный, что так запросто ему удалось решить эту проблему, выскочил из дома.

Продавец жил в нескольких кварталах от него – тоже удача.

Виктор шел по родному городу и вдыхал весенний воздух свободы.

Город изменился довольно сильно, но все равно то тут, то там он замечал милые сердцу детали – даже дерево, под которым он первый раз поцеловал девушку – и то стояло на прежнем месте. На его коре с левой стороны Виктор выцарапал ножом ее и свое имя.

«Лена + Витя =» – написал он, но дописать не успел. Рядом проходили хулиганы, завязалась драка. У него был нож... это и решило исход дела... один из нападавших умер в больнице и хотя первоначальная экспертиза показала, что поверхностная царапина не могла послужить причиной смерти, позже ее заменили на другую, и из потерпевшего Виктор превратился в обвиняемого.

Будь у него такая возможность, он бы все изменил...

Виктор посмотрел в сторону распутившегося дерева и вдруг увидел ее – располневшая, растрепанная, Лена сидела на лавочке с бутылкой пива и... одним из тех дружков, которые на них напали тогда.

Его словно током ударило – сердце застучало, кулаки напряглись – но усилием воли он смог сдержать себя. Повернув голову в другую сторону, он проскочил мимо.

– Зачем же вам эта рухлядь? – поинтересовался продавец, бородатый мужчина в возрасте. – Сейчас все на телефоне есть...

– Надо прослушать одну запись, – сказал Виктор правду.

Мужчина улыбнулся.

– Да, без этой штуковины никак получается. – Он объяснил, куда и что включать, какие кнопки нажимать и как правильно заправлять пленку, чтобы ее не зажевало. – Кстати, – добавил мужчина, – вот вам в нагрузку микрофон, все равно выкидывать собирался. – Он сложил все в сумку и вручил Виктору. – И две бобины с чистой пленкой. На всякий случай.

– Спасибо, но вряд ли мне это понадобится.

Мужчина пожал плечами.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – сказал он.

– Это точно, – ответил Виктор.

Домой он шел, не оглядываясь. Город вдруг стал ему враждебным, чужим. Кажется, каждый встречный смотрел на него с осуждением и неприязнью. Весна потускнела, краски ее поблекли, потеряли истинную свежесть и аромат.

Он вбежал в подъезд, в несколько прыжков поднялся на свой этаж, открыл дверь и только очутившись внутри, с облегчением вздохнул.

Сердце гулко билось и ему понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться.

Установив магнитофон «Комета-209» на кухонном столе, Виктор включил его в сеть, подсоединил колонки, достал старую бобину и, аккуратно пропустив пленку через лентопротяжный механизм, заправил ее в пустую бобину. Пальцы плохо слушались, он боялся что-нибудь повредить или вообще порвать пленку – но все обошлось.

– Вторая кнопка слева, – повторил он слова продавца, – включение. Смотри не перепутай. Красная кнопка – запись.

Виктор нажал на черную кнопку. Внутри магнитофона что-то со скрежетом включилось, бобины дернулись – сначала как-то неохотно, но мгновение спустя, помедлив, они плавно закрутились.

Виктор замороженно смотрел, как пленка перетекает с одного диска на другой. словно песочные часы – подумал он, – уходит время. И нет никакой возможности его остановить. Хотя бы на мгновение.

Потом он услышал голос.

Хриплый, издалека, словно преодолев толщу в десятки лет – голос раздался из старых колонок и Виктор, несмотря на плохое качество, шипение, потрескивание, тут же узнал этот голос. Это был он сам.

– Папа... а что это? Что это за штука?

В ответ послышался незнакомый, но какой-то удивительно родной голос.

– Вить, это магнитофон! Папка скоро уезжает, я решил записать на память... Возьму с собой, чтобы тебя слышать и маму... Скажи что-нибудь! Вот сюда, видишь эту штуку? Это микрофон...

Слезы выступили на глазах Виктора.

– Папа... – прошептал он. – Папочка... – он приник ухом к колонке, стараясь не упустить ни звука.

– Меня зовут Витя, – услышал он снова свой голос. – А это мой папа, самый лучший папа в мире! Скоро он поедет защищать нашу Родину в...

– Афганистан, – подсказал папа и рассмеялся густым, сочным баском.

Господи, – подумал Виктор. – Почему я этого не помню? Какой это может быть год? Восемьдесят четвертый? Да, скорее всего...

Потом он рассказал, что учится во втором классе, что у него самая красивая мама, что он хотел бы братика и сестричку и мама обещала, когда приедет папа, что на каникулы он поедет к бабушке в Прохоровку и что, конечно, очень сильно будет ждать папу.

Слезы текли из глаз Виктора – капали на кухонный стол, и он не мог их унять. Прошрое ворвалось в настоящее, и прошлое это было удивительно прекрасное, живое, настоящее, доброе – прошлое, в котором все были живы и все было хорошо и впереди было ясное безоблачное небо и огромная интересная жизнь...

Потом голос пропал. Раздался сильный треск, какой-то разряд заставил его отпрянуть от колонки – уху стало больно.

Виктор хотел было уже выключить магнитофон, когда он снова услышал голос.

Изменившийся, повзрослевший, грустный голос.

Это снова был его голос.

Чуть постарше. Может быть, третий класс? Четвертый? Он не помнил.

– Если ты меня слышишь, – произнес голос. – Понимаешь... – последовала долгая пауза. – Мама плачет уже неделю, я успокаиваю ее, но мне тоже очень плохо. Папа не приедет больше. Если бы можно было сказать сюда – папа, не едь на тот перевал, одень бронежилет, я бы ему сказал. Но это невозможно. Я просто не знаю, что мне делать... он хотел забрать эту бобину с собой, но почему-то не забрал, может быть, перепутал с какой-нибудь другой. Я записываю это послание тому, кто меня услышит – ответьте мне. Я буду включать магнитофон каждый день, пока... пока... – Виктор услышал детское всхлипывание, потом раздался щелчок, треск, помехи и запись прекратилась.

Минут пять он сидел в полном оцепенении. Как он мог забыть все это? Как?

Потом Виктор поднялся, прошел в коридор, выудил из пакета старый пожелтевший микрофон, нашел в магнитофоне гнездо и воткнул кабель.

С минуту он смотрел в окно, наблюдая, как носятся по небу неутомимые ласточки, потом встряхнулся, собрался и нажал красную кнопку записи.

– Я тебя слышу, – сказал он в микрофон чуть дрожащим голосом. – Я тебя слышу. Ты не один. Я с тобой. Я здесь...

Голос его сорвался, он положил микрофон на стол и покачал головой. Нет, так нельзя, подумал он. Нужно оставить прошлое в прошлом. Пережить его. Нужно...

Виктор потянулся к магнитофону, чтобы снять бобины, но решил еще раз послушать голос мальчика, который был так одинок в тот момент.

Сердце его щемило, когда он нажал кнопку воспроизведения.

В колонках снова зашипело. Свет в кухне моргнул, и Виктор подумал уже, что где-то произошло замыкание. Но потом он снова услышал голос.

– Ты кто? – услышал он удивленный детский вопрос. – Ты кто? Ты меня слышишь? Ты меня правда слышишь?

Виктор почувствовал, как холодок побежал по его позвоночнику. Он оглянулся, ища под-
вох, но в кухне никого кроме него не было.

– Что за?.. – вполголоса чертыхнулся он, отмотал немного назад и снова нажал воспроизведение.

– Ты кто? Ты меня слышишь?

Или все это какой-то дурной розыгрыш или мальчик действительно его слышал.

– Господи... – прошептал Виктор. – Как это возможно...

Он глубоко вздохнул и пододвинул микрофон поближе.

Глава 2

1984 год

Солнце уже встало. Его прямые яркие лучи просвечивали небольшую комнату насквозь и упирались в стену, оклеенную зелеными обоями с мелким витиеватым рисунком. На стене висел календарь с фотографией группы бегущих по стадиону мужчин в трусах и номерами на груди. Витя знал эти номера наизусть: «264», «252», «54», «34», «23» и, конечно, же, бегущего широким шагом, целеустремленного и упорного бегуна под номером «1».

Широкий и жирный шрифт гласил: «Календарь Спорт. 1984». Чуть ниже, совсем мелкими буквами шла приписка: «Издательство политической литературы. Москва».

Разглядывая календарь, Витя постоянно воображал себя на месте бегунов. Кем бы он хотел быть – первым номером или двести шестьдесят четвертым, – который, кажется, имел все шансы не только догнать первого, но и победить. Чувствовалась в этом человеке какая-то сила, напор, вера в победу, несмотря на далеко не лучший номер. И он был похож на папу.

Витя потянулся, вскочил, кинулся к своему столу, но уже по пути вспомнил, что начались летние каникулы и никуда бежать не нужно! Можно заняться блаженным ничегонеделанием...

Он вдруг вспомнил вчерашний вечер, вспомнил, буквально все, что произошло: как достал магнитофон, с трудом водрузил его на стол (все же, почти четырнадцать килограммов веса!), заправил бобину, вставил штекер микрофона в гнездо... Закрыв глаза и представил, что с папой ничего не случилось, он где-то далеко-далеко сейчас – в горячих песках, в окружении высоких гор, и он еще жив... ждет его сообщения...

Дрогнувшим голосом Витя начал свое послание:

– Если ты меня слышишь...

И с каждым его словом вера в чудо росла, крепла, будто бы слова, сказанные в микрофон и записанные на магнитную пленку, не оставались в этой же комнате, а, преодолевая стены, расстояния и время – обретали огромную, почти бесконечную силу.

Когда Витя нажал кнопку «Стоп», то почувствовал полное истощение. Он встал, сходил на кухню, налил из-под крана воды и выпил. Вкусная, свежая, чистая вода прояснила голову.

А вдруг не записалось? – подумал он и взглянул на время.

Вот-вот должна была прийти мама с работы – она запрещала ему даже прикасаться к отцовскому магнитофону – слишком тот был дорогой и тяжелый, но Витя все равно, рискуя свободой, доставал из огромного шкафа агрегат, вынимал из шуфлядки под шкафом бобины и слушал...

Он ринулся в комнату, отмотал запись и с замиранием сердца, вслушиваясь в звуки за входной дверью, включил воспроизведение.

Из колонки раздался взволнованный детский, его собственный голос, – сначала дрожащий, но с каждым словом этот голос креп, набирал силу и уверенность... Запись закончилась и его рука уже потянулась, чтобы нажать кнопку «Стоп», когда колонка поперхнулась, послышался треск, и к своему удивлению он услышал странный, незнакомый, но вместе с тем будто бы не раз слышанный им мужской баритон:

– Я тебя слышу, – сказал мужчина, явно волнуясь. – Я тебя слышу. Ты не один. Я с тобой, здесь...

Витя отпрянул от магнитофона – так неожиданно прозвучал незнакомец. Он знал эту бобину очень хорошо, прежде чем записывать на нее что-либо, он десять раз переслушал ее шипящую тишину, чтобы не дай бог не стереть новой записью папин голос или что-нибудь важное. Он был уверен, что никакого голоса там и в помине не было.

– Что же это? – прошептал Витя, дрожа от испуга. – Неужели... неужели его кто-то услышал? Неужели сигналы из этого микрофона не просто записываются на пленку, но еще и транслируются куда-то далеко-далеко?

Есть только один способ это проверить, – подумал он, протягивая дрожащую руку к красной кнопке «Запись».

На первом этаже подъезда хлопнула входная дверь, по лестнице застучали каблучки – это была мама. Он узнал бы ее поступь из тысячи других шагов.

– Быстрее, быстрее! – опрокинув кружку с водой, он нажал на кнопку записи. Нужно еще успеть собрать магнитофон и спрятать его в шкаф!

Трясущимися руками он придвинул микрофон.

– Ты кто? – Витя едва сдерживал дрожь в голосе. – Ты кто? Ты меня слышишь? Ты меня правда слышишь?

В замочной скважине повернулся ключ. Верхний замок. Потом нижний. У него есть секуннд пятнадцать-двадцать.

Витя остановил запись, вытянул шнур питания из розетки, нацепил крышку на корпус магнитофона и кряхтя, стащил его со стола. Аппарат отказывался влезать в шкаф, цепляясь то за мамин плащ, то за одеяло на дне, то за постельное белье. С громадным трудом он запихнул его внутрь в тот самый момент, когда дверь отворилась и мама с порога сразу же позвала его:

– Витя! Вить! Ты дома?

Запыхавшись, он перевел дыхание и откликнулся:

– Дома, мам... сейчас...

Кое-как задвинув дверцу шкафа, он схватил свою майку и промокнул разлитую по столу воду. Не должна заметить.

– Ну, где ты там? Иди возьми сетку, тяжело...

Витя побежал в прихожую, обнял маму, взял сетку с продуктами и понес на кухню.

– Как день прошел? – спросила мама. – А почему ты не на улице? – удивилась она. – Максим гуляет, спрашивал, где ты...

– Я... – судорожно соображая, подал он голос из кухни. – Я... зачитался...

– Так я и думала, – сказала она. – Жюль Верн?

– Ага!

– Слишком много ты читаешь. Смотри, делай перерывы, а то зрение сядет. Иди, в мяч с ребятами поиграй.

– Да, мам, иду!

Он разгрузил сетку, выскочил из кухни, натянул кеды и чмокнул ее в щеку.

– Я люблю тебя, мамочка!

– Я тебя тоже люблю, сын. – Она серьезно посмотрела на него, и в ее глазах он прочитал и печаль и благодарность и... что-то еще. Что-то неуловимо важное.

* * *

Кажется... не заметила... – подумал он, глядя на огромный шкаф, освещенный яркими лучами утреннего солнца. Мама уходила на работу к девяти – в шкафу висели ее платья, и она, конечно же, выбирала одно из них, пока он спал. На кухонном столе Витя нашел записку: «Завтрак на столе, много не читай, сходи погуляй и обязательно напиши письмо бабушке. Целую, мама».

Но Витя даже не взглянул на приготовленный завтрак – вареное яйцо, сосиску и два кусочка прожаренного с маслом хлеба.

Весь день! – подумал он. – У меня есть весь день, чтобы...

Мигом подскочил он к заветному шкафу, распахнул дверцы... и сердце его замерло. Магнитофона не было на месте.

Шкаф был таким большим, что, возможно... он просто его не заметил. Обшарив всю нижнюю полку, Витя почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

– Нет, не может быть... – вырывалось у него. – Мама все-таки заметила... она... она как-то сказала, что нужно сдать магнитофон в комиссионку...

От ужаса Витя почувствовал тупую ноющую боль, разлившуюся по всему животу – кортизол, гормон стресса сковал его волю, в мгновение ока превратив в беспомощного маленького мальчика.

Размазывая слезы, он заглянул во все углы небольшой двухкомнатной квартиры – отодвинул шторы, проверил подоконники, пошарил в чулане, заглянул в санузел и даже нырнул под кровать. Пусто! Бобины, которые он складывал в нижний ящик шкафа, тоже пропали. Та самая бобина, на которой он услышал странный голос – исчезла.

Почувствовав какое-то странное опустошение, будто бы его предали, Витя напялил тапки и вышел на лестничную клетку.

– Только бы она была дома... только бы она была дома, – повторял он как заклинание.

– Витя? Что случилось? – Тетя Оля, открывшая дверь, всплеснула руками.

Он едва не разрыдался на пороге.

– Тетя Оля! Можно... можно мне позвонить... маме?

– Господи... что случилось?

Она посторонилась, впуская его в квартиру.

От слез он практически ничего не видел – только желтый корпус телефона, диск и трубку.

Он набрал номер.

Мама работала экономистом в прачечном комбинате и в отделе телефон был только у начальника.

– Прачечный комбинат, Косенков слушает.

От волнения Витя забыл, что нужно сказать и кого позвать.

– Алло, – повторил требовательный мужской голос. – Говорите!

Заикаясь, Витя выпалил:

– А Марию Павловну можно позвать? – сердце его, казалось, выскочит из груди.

– Маша... – услышал он в трубке. – А где Маша?

– Так она репетирует в актовом зале на день легкой промышленности... – послышался голос издалека.

У него отлегло от сердца. Значит, скорее всего, не комиссионка... но...

– Молодой человек, ее сейчас нет. Может, что-то передать?

Витя опустил трубку. Ноги его стали ватными. Единственная бобина – если он не успеет, голос, тот самый голос... возможно, он больше никогда не услышит его.

– Тетя Оля, – взмолился он. – Вы не дадите мне три копейки на трамвай?

– Господи, Витенька, да что ж случилось то?

Не дождавшись ответа, она похлопала по карманам, выудила откуда-то монетку и протянула ему.

– Спасибо! – крикнул Витя и выскочил за дверь. Он даже не подумал, что нужно закрыть дверь в квартиру.

* * *

– Маша, спасибо за магнитофон! Ты нас очень выручила! – Петр Евгеньевич, заместитель начальника экономического отдела с уважением взглянул на аппарат, стоящий у сцены актового зала. – Мощная вещь! – он попробовал приподнять его и охнул. – Какой тяжелый! Как ты его дотащила?

Мария лишь пожала плечами.

– А микрофон захватила?

Она кивнула.

– Тогда... если готовы... приступим? Все взяли свои слова?

Чертыхаясь, он установил магнитофон на стол, подключил его к сети, воткнул микрофон.

– Андрей Михалыч, вы первый.

Пожилый мужчина кивнул, достал лист бумаги с напечатанной речью, подошел к столу и взял микрофон в руки. Он заметно волновался, лист слегка дрожал.

* * *

Витя едва втиснулся в трамвай.

– Проходите, проходите в салон, – слышалось отовсюду. – Подвиньтесь!

Он отсчитывал остановки на память. Выходить на десятую. На цифре девять он понял, что не сможет пробиться к дверям. Толпа стояла плотной стеной.

– Пропустите. – воздуха не хватало и его голос никто не услышал. Трамвай громыхал по мостовой. На прачечном комбинате обычно никто не выходил. Все ехали до площади.

* * *

– Включай.

Клацнула кнопка записи.

– Включил, начинайте.

– Товарищи! Разрешите от лица экономического отдела прачечного комбината поздравить вас с днем работника легкой промышленности... – мужчина вдруг закашлялся.

– Стой, стой, – раздался голос. – Дайте воды.

* * *

Маленькими ручонками он изо всех сил начал раздвигать стоящих перед ним людей. Кто-то недовольно ворчал, некоторые все же уступали путь, другие как стояли, так и продолжали стоять.

– Пропустите, пропустите! Мне сейчас выходить...

Трамвай остановился, двери с трудом открылись, а до выхода ему оставалось еще метра два.

– Пропустите, – раздался твердый и уверенный голос. – Пропустите человека.

Толпа разошлась и его вытянуло из трамвая на свежий воздух. Витя оглянулся, чтобы поблагодарить своего спасителя, но двери уже закрылись.

Опрометью он кинулся к дверям прачечного комбината.

* * *

– Так. Дубль два. Андрей Михалыч, вы готовы? Постарайтесь.

Мужчина кивнул.

– Включайте запись.

В этот миг дверь в актовый зал распахнулась и, сопровождаемый криками «Стой! Туда нельзя!» в помещение буквально влетел растрепанный мальчик.

Увидев на сцене мужчину с микрофоном в руках и стоящий подле него большой магнитофон, парнишка издал судорожный вопль и ринулся вперед.

В этот момент в дверях актового зала показался красный от злости вахтер.

– Сто-ой! – заорал мужчина, – кому сказал, сто-о-ой!

– Витя? – только и смогла вымолвить потрясенная Мария. – Что ты здесь делаешь?

А Петр Евгеньевич, тем временем, по инерции нажал кнопку записи.

* * *

2010 год

Виктор спал эту ночь плохо.

Сначала ему снилось, будто он едет в каком-то переполненном трамвае и люди вокруг него стоят сплошной стеной. Он знал, что скоро нужно выходить, но угрюмые лица не оставляли ни единого шанса покинуть салон. От бессилия им овладела дикая ярость – поднявшись на цыпочки и собравшись с духом, он крикнул: «Пропустите! Пропустите человека!»

Ему показалось, что толпа расступилась и выпустила его.

Он проснулся в мокрой от пота постели, потом долго лежал, вслушиваясь в ночные звуки и снова уснул – на этот раз крепко.

Когда он проснулся в следующий раз, комнату уже залило солнце.

Виктор вскочил по привычке – почувствовав, что пропустил утреннюю тюремную проверку, но повернув голову и увидев красный шкаф, улыбнулся.

Потом он вспомнил вечер и нахмурился.

Какой-то мальчонка ответил ему? Или показалось?

Виктор достал магнитофон, подсоединил к сети, отмотал бобину в самое начало и, задумавшись на мгновение, включил запись.

– Товарищи! Разрешите от лица экономического отдела прачечного комбината поздравить вас с днем работника легкой промышленности...

Хриплая старческая речь прервалась затяжным кашлем. А потом все стихло.

Глава 3

2010 год

– Черт! Черт! – Виктор в сердцах стукнул по крышке магнитофона и тот, издав странный звук, остановил воспроизведение. – Что еще за экономический отдел? Кто это??

Он обхватил голову руками.

«Что я наделал?» – предательская мысль холодком пробежала по позвоночнику.

Дрожащими руками он нажал кнопку перемотки.

Магнитофон задумался на мгновение, потом пленка пришла в движение и почти заполненная правая бобина начала быстро опустошаться.

Виктор сел на табуретку возле стола и, глядя, как вращается механизм, как струится тонкая трепещущая линия пленки, задумался.

Почему он ничего не помнит? Почти никаких воспоминаний о том периоде жизни у него не осталось и уж точно не помнит, чтобы слушал голос какого-то странного мужчины. Такое воспоминание должно было врезаться ему в память – но ничего, ни единого проблеска, обрывка, каких-то то косвенных свидетельств... не осталось ничего.

Он пожал плечами, сходил на кухню, приготовил кофе и бутерброд. За окном уже вовсю занялся день – солнечный и прекрасный. Сквозь раскрытую форточку комнату наполнял пьянящий аромат свободы. Весна кружила голову и Виктору хотелось восполнить все те годы, которые он провел в заточении. Восполнить с лихвой.

Он достал телефон, ввел запрос в поисковую систему и уже через час стоял у невзрачной двери обычной хрущевки, в какой жил и сам. Пожалуй, этот дом был даже старше – на обшарпанных стенах едва можно было различить зеленую краску. Побелка чернела от подпалин и нецензурных надписей.

«Слава КПСС!» – прочитал он огромный красный девиз и удивился. Кому это надо в двадцать первом веке, – подумал он.

Дверь долго не открывали. Черный дерматин обивки местами был порезан и из него торчали желтовато-серые хлопья синтепона, похожий на жир какого-то тюленя или кита.

Он позвонил еще раз, потом третий и хотел было уходить, как за дверью послышались шаркающие шаги, брякнула цепочка, проскрежетал замок и дверь приоткрылась буквально на один миллиметр.

– Яков Абрамович? – спросил Виктор. – Я звонил по поводу сеанса вам звонил. Виктор.

– Виктор? – женский старческий голос повторил его имя. – Мы никого не ждем. Уходите!

Он уже повернулся, когда дверь неожиданно распахнулась и позади него раздался удивительно энергичный и приятный голос.

– Софочка, я же тебе говорил, что ко мне иногда приходят люди. А ты забыла... Ну ничего. Ничего. Давай, я встречу гостя сам.

– Гостя? У нас гости? Но мы же не...

– Софочка... я сам... Молодой человек. Виктор, прошу вас, – Виктор повернулся и увидел худого жилистого старика с очень живым и даже молодым лицом. – Извините пожалуйста за ожидание. У нас тут...

Виктор улыбнулся. Из квартиры тянуло хорошим кофе и пирожками.

– Не стоит, – прервал его Виктор. – Все нормально. Здравствуйте!

– Добрый день, молодой человек. – Старик быстрым профессиональным взглядом оглядел его с ног до головы – другой мог бы и не догадаться, но от внимания Виктора это не укрылось.

– Прошу, проходите, – пожилой человек жестом пригласил его в квартиру. – Пожалуйста, в мой кабинет. Нет, нет, не разувайтесь, прошу вас.

Виктор быстро скинул кроссовки и прошел в направлении жеста.

Скромная, уютно обставленная квартира, со старой, еще времен СССР мебелью, ковром на стене и даже небольшим бронзовым бюстом Ленина на секции, заставленной хрусталем.

В кабинете, который, собственно был просто отдельной комнатой, стоял большой стол, потертое кресло, такая же старая кушетка и огромный книжный шкаф во всю стену. От количества книг на его полках Виктор открыл рот.

– Да... молодой человек... небольшая библиотека... моя гордость... – старик обвел взглядом шкаф, пестревший корешками книг. – Ну-с... что привело вас ко мне? – Он указал жестом на кушетку и Виктор присел на краешек. Ему было неловко. Он впервые был на приеме у психотерапевта и ему казалось, что, рассказав хоть что-то о себе, о своем прошлом, он тут же станет слабым и даже немощным. Каждый человек по выходе из этого дома будет показывать на него пальцами, а не дай бог, снова оказаться в местах не столь отдаленных...

– Даже не знаю... с чего начать...

– С самого начала, – сказала мягко старик. – У меня много времени, вы единственный мой пациент.

Виктор откашлялся. Он чувствовал, как сердце трепыхается в его груди. Бьет гулко и сильно. Давно он так не волновался.

– Я не могу вспомнить свое прошлое. Но точно знаю, что оно было.

Старик помолчал немного, глаза будто покрылись едва заметной дымкой.

– У всех оно было... таковы особенности памяти. Некоторые события, особенно травмирующие, неприятные, сознание скрывает от нас.

– А если это было очень важное событие – о каких говорят, что такое невозможно забыть?

Старик кивнул, будто понимая, о чем идет речь.

– О таком забывают в первую очередь.

– Даже если это было очень очень важно для меня тогдашнего?

– Именно поэтому.

Занавески на окнах кабинета шевелились от легкого сквозняка, расслабляющий голос доктора убаюкивал.

– В моем детстве случилось одно событие. И теперь, как ни стараюсь, я ничего не могу об этом вспомнить. Но мне очень нужно. Скажите, это возможно?

Старик покачал головой.

– Зависит от степени травмы. Иногда реальность забывается или подменяется придуманным событием настолько, что даже близкие не могут разубедить пациента, что это было или, наоборот, не было.

– В объявлении написано...

– Молодой человек... вы отдаете себе отчет, что после того, как вы вспомните, ваша жизнь уже никогда не будет прежней? Вы точно этого хотите? Я спрошу вас об этом еще десять раз, потому что...

– Да, – твердо сказал Виктор. – Мне нужно это знать.

– Хорошо, – неожиданно быстро уступил доктор. – Ложитесь на кушетку. Расслабьтесь. Закройте глаза. Руки вытяните вдоль тела. Я буду задавать вам простые вопросы касательно времени, которые вы хотите вспомнить. Отвечайте не задумываясь. Если вам станет некомфортно или страшно, просто скажите мне об этом и мы тут же закончим сеанс. Вы меня поняли?

– Да. Я все понял.

– Что ж... – доктор задвинул штору и в комнате воцарился полумрак. – Если вы готовы, то давайте начнем. Скажите, какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый.

* * *

1984 год

– Ах, ты паразит! – мужчина ринулся вслед за юрким мальчуганом, но куда ему! Весь актовый зал, мужчины и женщины, затаив дыхание, следили за погоней. Даже мама Вити не могла пошевелиться – настолько быстрым и неожиданным было происшествие.

Тем временем Витя прошмыгнул по наклонному полу актового зала. Звуки его быстрых шагов утопали в красной дорожке. Увидев цель, он помчался словно метеор.

Тем временем, человек на сцене перед микрофоном всмотрелся в лист бумаги, который держал перед глазами. Нужно постараться, твердил Андрей Михайлович про себя. А то товарищи не поймут. Он снова откашлялся, глянул на стоящего к нему лицом Петра Евгеньевича, не подозревающего о приближающейся опасности, и кивнул. Кнопка записи клацнула в третий раз.

– Товарищи! Разрешите от лица экономического отдела прачечного комбината поздравить вас с днем работника легкой промышленности...

Подлетевший к столу мальчик одним движением выдернул питающий шнур магнитофона.

В актовом зале повисла мертвая тишина.

Даже вахтер, не добежавший еще и до середины зала, остановился.

– Витя... – выдохнула мама.

– Чей это ребенок? – наконец строго спросил Петр Евгеньевич.

– Мой, – Маша покачала головой. – Витя, что ты делаешь? У нас репетиция. Ты же...

– Мальчик, что ты делаешь? – От изумления у зам начальника отдела глаза вылезли на лоб.

Витя подошел к магнитофону, аккуратно снял обе бобины, затем достал небольшую матерчатую сумку и положил их туда.

– Это папин магнитофон, – сказал он, повернувшись к Петру Евгеньевичу. – Понятно? И он никому не разрешал им пользоваться.

С этими словами мальчик развернулся и под взглядами ничего не понимающих сотрудников отдела, направился к выходу.

Вахтер было поднял руку, чтобы остановить его, но Петр Евгеньевич подал знак рукой – пропусти.

* * *

Вечером Витя лежал на кровати, понимая, что ему грозит небывалая взбучка. Внутренне он приготовился к этому и понимал, что скорее всего, получит по заслугам, однако, когда мама пришла, ничего не произошло. Она прошла в его комнату, поставила магнитофон у стола и тяжело вздохнула.

Потом она присела у изголовья, погладила его по голове и сказала:

– Извини меня. Я сделала это, не посоветовавшись с тобой. Я не знала, что это так важно для тебя... – она опустила голову и, кажется, заплакала.

Витя приподнялся и обнял мать.

– Все хорошо, – сказал он тихо. – Мамочка, теперь все хорошо.

– Правда? – Она посмотрела в его серые глаза и удивилась, до чего он похож на отца.

– Да.

– Ты на меня не сердишься?

– Нет, мамочка. Не сержусь. Просто я так скучаю по папе. А здесь... – Витя покосился на стол, где лежала сумка с бобинами. – Здесь мы записали его голос, когда он уезжал.

Маша посмотрела на сына.

– Голос папы? Почему ты ничего не говорил мне?

Витя похолодел. Если она услышит голос незнакомого мужчины, то... как он объяснит ей это?

– Не знаю, – сказал он быстро. – Завтра нужно послушать. Может быть, я не успел и вы все стерли.

– Ты дашь мне послушать?

– Если что-то осталось...

Мама поцеловала его и поднялась с кровати.

– Папа бы тобой гордился, – сказала она. – Хоть меня и лишили премии за твою выходку, все наши мужики были в шоке. Храбрый парень растет, сказали.

– Мам...

– Да, сынок.

– А... если бы ты могла изменить будущее, чтобы ты сделала?

Маша покачала головой.

– Я бы хотела, чтобы ты был счастлив, – сказала она. – Спокойной ночи, сын.

Глава 4

2010 год

– Боюсь... – маленький сухонький доктор снял очки, вытер рукавом халата вспотевший лоб и покачал головой: – ...боюсь, молодой человек, гипноз на вас не действует.

Виктор привстал с кушетки. Голова у него закружилась и он тут же осел, если не сказать – рухнул назад на твердый коричневый дермантин.

– Что? – спросил он доктора. – Что вы сказали? – В голове у него шумело, то и дело в мозгу проносились странные туманные образы, среди которых он различал давно забытые черты отца, испуганное лицо соседки, какие-то коридоры, яркий свет, бьющий прямо в лицо и... это лицо, лицо, лицо...

Виктор опустил ноги на пол, обхватил голову руками и застонал.

– Помилуйте, голубчик... – взмолился доктор, – я, к сожалению, не невролог, а у вас явно функциональное расстройство... возможно, вы где-то сильно ударились и теперь вас мучают эти головные боли. Что же вы мне сразу не сказали... в таком случае гипноз вам противопоказан и, прямо скажу... даже опасен. В каком-то смысле не исключена возможность, что в ходе такого гипноза вы можете подменить свою личность вымышленной, придуманной... и что тогда делать? – старый врач вздохнул, медленно снял белый халат и повесил его на спинку вытертого до блеска кожаного кресла.

– То есть... по-вашему, я все это выдумал? Так, что ли?

– Ну зачем же – все? Реальность смешалась с фантазией и теперь сложно их разъединить, сложно понять, где вымысел, а где реальность, – миролюбиво ответил доктор.

В комнату кто-то тихонько постучал.

– Софочка, это ты? Мы уже заканчиваем.

– Яша, у вас все хорошо? Я слышала голоса...

– Да, все замечательно, через пять минут я выйду.

Шаги за дверью удалились.

Виктор взглянул на доктора.

– Я хочу повторить. Я хочу повторить сеанс.

– Это невозможно. – Теперь уже голос доктора был жестким и даже немного злым.

Виктор сжал кулаки.

– Назовите цену.

– Молодой человек. Дело не в цене. А в том, что вы можете буквально сойти с ума, можете умереть на этой кушетке, вы меня понимаете?

– Лучше уж я умру, чем буду жить как химера, не в силах отличить правду от лжи, сон от яви...

– Но вы же что-то видели сейчас? Попробуйте разобраться... а голоса, мы все их слышим, поверьте опытному психологу... я работал на войне, в горячих точках... – Яков Абрамович снял с полки черно-белую фотографию в тонкой рамочке, всмотрелся в нее, потом вернул обратно на место. – Хотите историю? – Он посмотрел на дверь, видимо, вспомнив обещание, данное жене, потом махнул рукой. – Был у меня в Афгане один друг... мы познакомились... да, в общем-то нет, мы не знакомились, это судьба так распорядилась – я оперировал тяжело-раненого бойца, пытался спасти ему ногу, когда начался жесткий обстрел, и на кишлак, где мы обосновались, пошла волной атака моджахедов. Все бы ничего, командир вызвал вертушки, не первый раз это случалось. Раненых должны были вывезти, потому что такие операции в

полевых условиях проводить нельзя, просто нет условий. Но я понимал, что боец просто не выдержит.

Было очень жарко. Настолько жарко, что с меня лил даже не пот, а потоки жидкости и в голове все перемешалось – выстрелы, взрывы, пыль, оглушающий рев, эти гортанные крики и среди них голоса наших, которые я будто бы узнавал, различая даже кто это кричит. Мне нужно было сшить разорванную артерию, иначе ногу через пару часов пришлось бы отнять... представляете, как это сложно в таких условиях?!

Виктор отнял руки от головы и заворуженно слушал. Перед его глазами, чуть ли не касаясь вершушек глинобитных домиков – саманов, пронесся вертолет и выпустил ракету. Он увидел дом, низенький, серый, даже скорее – глиняный сарай с маленьким окошком, увидел, как к этому сараю подбегает человек в черной жилетке и чалме на голове – в его руках был автомат. Не забегая внутрь, этот человек кидает в окошко гранату и тут же исчезает за стеной.

– Понимаете? Я вижу, как она катится прямо под мои ноги, крутится вокруг своей оси, словно бешеная юла, а я держу в руках иглу и зажим и не могу отпустить, ты понимаешь? Если отпущу зажим, то все, конец!

И что важнее, как вы думаете?

Виктор опустил взгляд и увидел перед собой, прямо на полу ту самую гранату – она бесшумно вертелась меж его кроссовок и он заворуженно смотрел на этот смертельный танец.

– Что же было потом? – спросил Виктор пересохшими губами. Тело его одеревенело, он буквально не мог пошевелиться. Только лишь сердце гулко стучало в его стесненной груди.

– Дальше? – доктор снова посмотрел на дверь, будто бы опасаясь, что с той стороны его могут услышать. – Дальше случилось нечто странное... о чем я до сих пор предпочитал помалкивать. Раньше за такое сразу комиссовали и отправляли на курсы лечения галоперидолом. Теперь-то конечно, с такой историей прямая дорога на Рен-ТВ... – он замаялся. Было видно, что история не дает ему покоя и он давно хочет освободиться от ее чар, да только вот, судья по всему, выговориться было некому. – Не поймите меня превратно, будто бы я каждому встречному только и рассказываю это... просто после вашего сеанса и того, что я услышал... мне показалось...

– Теперь я всему поверю... – тихо сказал Виктор, глядя в пол, где не прекращая и даже ускоряясь, продолжала вертеться смертоносная граната.

Звук от ее вращения, от ее трения о пол был настолько ужасным, настолько гнетущим, скребущим за душу, что Виктору хотелось ее пнуть, чтобы отбросить подальше – вон из комнаты, в ту дверь из-за которой пару минут назад донесся голос супруги доктора.

– Ровно за сутки до случившегося мне приснился сон, – продолжил доктор задумчивым голосом. Глаза его затуманились, он словно смотрел в прошлое, выбирая оттуда по крупинкам давно минувшие часы, минуты и секунды и переносил их в настоящее. – Будто я стою над раненым бойцом, пытаюсь перевязать разорванную артерию. В этот момент начинается бой – духи как всегда нападают неожиданно, в самый неподходящий момент. Я продолжаю операцию, потому что медлить нельзя. Разведгруппа, в которую входил боец, наткнулась на засаду и была уничтожена. Он остался один. Отстреливаясь, получил тяжелое ранение в ногу – но все же какими-то невероятными усилиями ему удалось доползти до кишлака, где мы базировались и предупредить командира. К сожалению, нам не дали времени на передышку и перегруппировку. Через двадцать минут, как он пришел, духи взяли кишлак в плотное кольцо. У нас не было ни единого шанса. Вертушки нужно было вызвать заранее, чтобы они успели долететь. Теперь было уже поздно.

– Господи, – прошептал Виктор. – Вам все это приснилось и вы ничего...

Доктор саркастически скривился.

– И... вы знали, что будет дальше? Что будет эта граната?

– Да. У меня уже раньше случались такие провидческие сны. Когда работаешь в постоянной опасности, все чувства многократно обостряются. В самых напряженных ситуациях, когда жизнь висит на волоске – время сильно замедляется, даже останавливается и тогда... тогда и становится понятно...

– Что? Что понятно?

– Что все это уже было... было, и не раз. И каждый раз, проживая эту ситуацию, я словно бы заново задаю себе вопрос – почему я поступил так, а не иначе? Почему не бросил иглу и зажим и продолжал операцию. Почему не выскочил за дверь или, на худой конец, за угол этой кибитки.

– Почему же? Почему?! – не в силах сдержаться повысил голос Виктор.

Яков Абрамович покачал головой.

– Этот парень... которому я делал операцию, он был в сознании. Он тоже все видел. Когда граната влетела в комнату, он скрежетал зубами от боли – но был в сознании и ясном уме. Наверное, он понял, что сейчас кибитка взлетит на воздух и у нас нет никаких шансов. Он посмотрел прямо мне в глаза и дальше я уже плохо соображал. Боец скатился с кушетки накрыл своим телом эту гранату. Раздался глухой взрыв, его подбросило, ударная волна прокатилась по помещению, осколком мне резануло ногу, но я остался жив.

Доктор замолчал. Виктор видел, как тяжело поднимаются и опускаются его плечи.

– Я кинулся к нему, чтобы оказать помощь, но помощь была уже не нужна. Он спас мне жизнь ценою своей.

– Вы... знали об этом? Вы видели это во сне?

– Да...

– И... и... если бы вам выдался шанс все исправить, вы...

– Не знаю. Я бы продолжал оперировать, даже если бы на меня упала атомная бомба.... Боец умер у меня на руках. Но... – Яков Абрамович встрепенулся. Уже перед самой смертью он, едва дыша... сказал, что кто-то придет. Кто-то, чей рассказ меня не оставит равнодушным. Когда-нибудь обязательно придет. И я должен буду помочь этому человеку. Во что бы то ни стало. Потому что от этого зависят наши жизни.

Виктор поднял голову и посмотрел на старого доктора, потом поднялся с кушетки, подошел к книжному шкафу и всмотрелся в старую выцветшую цветную фотографию, сделанную на Полароид. Рядом с высоким импозантным мужчиной, в котором, несомненно, можно было узнать доктора Якова Абрамовича, стоял коренастый плотный молодой человек с автоматом и пулеметными лентами. На его лице с широкой располагающей улыбкой выделялись большие, чуть грустные глаза.

– Папа, – сказал Виктор шепотом. – Но... как?

Доктор повернулся к нему и сказал уже твердым, не терпящим возражения голосом:

– Он сказал, вы знаете, что делать.

Глава 5

2010 год

– Что же я могу сделать? – простонал Виктор, обхватив голову руками. – Я и со своей-то жизнью ничего поделать не могу... а тут... – он сидел на кушетке, чуть заметно покачиваясь из стороны в сторону. В голове всплывали лагерные картины, серые, безысходные, наполненные болью, разочарованием и мучительным чувством вины – вины перед отцом, героем, отдавшим жизнь за Родину в той далекой войне. А что он? Так бездарно, так...

Доктор неслышно подошел и мягко положил руку на его плечо.

– Не нужно, – сказал он спокойным и каким-то очень добрым голосом. – Не нужно себя корить. Вы ни в чем не виноваты. Это жизнь. Я бы на вашем месте поступил бы точно также.

– Да что вы знаете? – в сердцах выпалил Виктор. Горячие слезы текли из его глаз и падали на джинсы – стыд вдруг исчез из он рыдал, совершенно не стесняясь и не сдерживаясь.

– Все. Я все знаю, – так же мягко сказал доктор. – Вы же сами мне только что рассказали. Виктор поднял голову и изумленно посмотрел на старика.

– Вы же сказали, гипноз на меня не действует и ничего не получится.

Доктор пожал плечами.

– То, что случилось недавно, вы очень хорошо помните и рассказали мне чуть ли не дословно: как защищали девушку, как на вас повесили нанесение тяжких телесных повреждений, приведших к смерти. Рассказали про суд, про то, как вас предала девушка, которую вы защищали. Про срок и этап, про колонию, как вам удалось там выжить в последние семь лет... – доктор сделал паузу, потом присел рядом с Виктором на кушетку. – Про маму, которая ждала вас и не встретила... как потом пересмотрели приговор по новым обстоятельствам и как вас выпустили... про найденные магнитофонные плёнки в шкафу и голос, который вы слышали...

Но вы просили пойти еще дальше, вы просили узнать, почему тот мальчик, которым вы были – ничего не помнит. Почему в вашей памяти не осталось и следа от тех событий, будто их и вовсе не было.

Виктор повернулся и посмотрел на доктора. Сердце учащенно билось, будто бы человек, сидящий рядом, подошел к той самой черте, за которой простиралась его Terra Incognita – пропасть, черная и бездонная, но – отнюдь не пустая. Виктор нутром чувствовал, что там, за этой чертой кто-то есть – кто-то смотрит на него долгим немигающим взглядом, и взгляд этот отнюдь не добрый. Монстр, спрятавшийся глубоко внутри пещеры поджидал его всякий день и всякий час, в любое мгновение – где бы Виктор не находился, чем бы не занимался, – тяжелое хриплое дыхание жуткого Цербера преследовало его неотступно. Он был на страже детской тайны, ее хранителем и вечным соглядатаем.

– Господи, – простонал Виктор. – Сколько же времени прошло?

Яков Абрамович взглянул на часы.

– Четыре часа тридцать семь минут. Признаться, я шокирован вашим рассказом. Но еще больше я шокирован тем, что... ваш отец... Леша... Алексей Петрович... я всегда думал, что это... простите, болевой шок, бред тяжело раненого человека – в таком состоянии люди чего только не говорят, особенно на войне. Да и в мирной жизни, когда я оперировал уже в нашей городской больнице, бывало так, что больной вдруг неизвестно по какой причине вдруг выходил из общей анестезии, иначе говоря, просыпался, и начинал говорить такое, что у бригады волосы вставали дыбом – часто совершенно на каких-то странных языках или рассказывая вещи, которые явно с этим больным произойти не могли никак, хотя бы потому что он живет в двадцать первом веке, а говорит про век девятнадцатый... – доктор покачал головой. – Алек-

сей же был в полном сознании, но... мне, как доктору, было понятно, что без срочной помощи, донорской крови, я не смогу долго его удерживать...

Он попросил хранить эту фотографию, которую вы увидели на полке. Хранить и ждать того дня, пока кто-то не придет и не узнает его. Он сказал, что такой день обязательно настанет.

Виктор почувствовал, что мелкая дрожь пробирает его с головы до пят.

– Как? Как он мог знать об этом? – тихо спросил он. – И почему я все-таки пришел? Почему к вам? Почему не к другому доктору?

Яков Абрамович едва заметно улыбнулся.

– Вы верите в судьбу? Звучит, конечно, глупо, антинаучно... но все же?

Виктор оглядел кабинет доктора долгим взглядом и мощнейшее чувство дежавю потрясло его – ведь он уже бывал здесь, в этом кабинете, рассказывал свою историю седовласому доктору, может быть не раз и не два – и кушетка и каждая деталь в этой маленькой, доверху набитой книгами комнатке была ему знакома – от старинного коричневого абажура под потолком, до выцветших обоев со странным геометрическим рисунком. Он мог поклясться, что видел этот рисунок не единожды – а много, много раз.

Доктор внимательно смотрел на него, ожидая ответ.

– Я не знаю... не знаю...

– Не вступившись за ту девушку, вы бы не попали в колонию... а не попав в колонию, не пришли бы ко мне...

– Так что?... все предопределено?

Доктор посмотрел на свои руки, перевернул их ладонями вверх, будто бы собирался совершить намаз, но вместо этого указательным пальцем правой руки указал на длинную и глубокую бороздку на ладони.

– Линия жизни... видишь? Ее пересекает множество других линий и куда ты отправишься – выбирать только тебе. У тебя всегда есть выбор. Разве сейчас, будь у тебя такая возможность, – теперь он смотрел на Виктора со всей серьезностью, – ты бы не помог той девушке? Зная, что тебе придется провести за решеткой долгих семь лет?

– Я бы поступил точно также, – тихо сказал Виктор. – Ни капли не жалею о том, что произошло.

– Ценой своей жизни твой отец спас большую часть отряда, успев за пятнадцать минут до нападения предупредить командира. Если бы у тебя была возможность...

Виктор похолодел. Он знал, что будет дальше. Он знал, какой вопрос задаст доктор.

– ...если бы то мог, если бы существовал хоть малейший шанс его спасти, предупредить – ты бы сделал это?

Виктор покачал головой.

Доктор долго молчал, потом, словно очнувшись, встал с кушетки, прошел к столу и тихо сказал.

– На задней стороне фотографии есть надпись. Алексей сказал, что ты поймешь, о чем речь и сможешь сделать правильный выбор.

Он добавил, что верит в тебя. И...

Виктор посмотрел на доктора. В глазах старика стояли слезы.

– И... еще он просил передать, что... очень любит тебя.

* * *

В этот вечер Виктор долго не мог уснуть. Вернувшись от доктора, он достал магнитофон, поставил его на стол, воткнул вилку в розетку, затем аккуратно вытащил магнитофонную

катушку из картонного пенала, защелкнул ее на вращающейся оси, дрожащими пальцами пропусти драгоценную пленку сквозь лентопротяжный механизм, рядом с аппаратом положил фотографию улыбающегося отца в выгоревшей до белизны форме, перевернул фото и в сотый раз прочитал размашистую надпись.

Палец потянулся к кнопке воспроизведения – но так и застыл.

Виктор не понимал, что происходит и как он должен поступить.

Он отступил от стола, выкурил сигарету, глядя в окно на двор – туда, где вместо вековых дубов появился вино-водочный магазин, на заднюю стенку которого справлял нужду покачивающийся гражданин.

– Когда же что-то пошло не так? – задал он вопрос самому себе. – Когда все начало рушиться?

Ответом ему был лишь звон стеклотары с торца магазина и громкие крики соседей, которых он не знал. Дом стал чужим – он чувствовал это, никого не осталось в нем из старых жильцов – одна тетя Оля, да и той сколько осталось...

«Ты можешь все исправить», – точил его внутренний голос. – «Это в твоей власти, ты знаешь, что нужно делать».

Виктор обернулся и посмотрел на спортивный календарь тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Класе в седьмом или восьмом ему стало интересно, что же это было за соревнование и кто в нем победил – оказалось, на фотографии был запечатлен момент чемпионата СССР в беге на пять тысяч метров и победителем в нем стал не тот бегун, что нравился ему больше остальных – под номером один, а другой, на которого он почти никогда не обращал внимания – Леонид Остапенко под номером тридцать четыре.

Эту острую несправедливость он воспринял чрезвычайно серьезно.

Придя домой из школы, где в справочнике по спортивным достижениям СССР, обнаруженном на скамейке в спортзале он и увидел фотографию и результаты того забега, Виктор долго вглядывался в лица спортсменов, пытаясь понять, как же так вышло, что спортсмен, бегущий на три шага впереди всех и всем своим видом показывающий, что он явный фаворит, оказался даже не в призерах? А тот парень, что шел чуть ли не в конце – стал победителем.

Ему хотелось быть там, присутствовать на соревновании, чтобы исправить эту вопиющую нелепость, допущенную Провидением – и, хотя это было невозможно, почему-то он всегда знал, что где-то есть лазейка, есть способ сообщить номеру один, что нельзя расслабляться на середине дистанции, серая лошадка под номером тридцать четыре только того и ждет и неожиданно для всех предпримет фантастическую попытку, которая обернется золотой медалью и путевкой на чемпионат мира, тогда как карьера номера один именно с этого дня пойдет под откос – сначала он не сможет взять квалификацию на чемпионате РСФСР, потом попадет в аварию, начнет пить и сгинет в пучине времен.

Он долго смотрел на выцветшую фотографию, приклеенную к двери – уже взошла Луна и тени от деревьев серыми щупальцами неслышно колыхались и крались по потолку и стенам, причудливые образы прошлого, настоящего и будущего, сплетаясь воедино, громоздились в его голове, а время потеряло смысл, словно его и не было – остался лишь он и звучащий в голове отцовский голос: «Ты сможешь сделать правильный выбор».

Он сможет.

Теперь у него в этом не было сомнений.

* * *

– Тетя Оля! – мальчик был чрезвычайно взволнован и женщина сразу поняла – что-то неладно. Витя часто оставался дома один, Маша иногда просила приглядывать за ним, особенно после того как отец уехал выполнять интернациональный долг в далекий Афганистан.

– Витя? – она осмотрела его с головы до ног и, не обнаружив видимых повреждений, немного успокоилась. – Что случилось?

– Мне... мне нужно кое-что вам сказать.

– Да? – она выглянула на лестничную клетку, отметив, что дверь в седьмую квартиру прикрыта и сказала: – Ну проходи, я как раз пирожки жарю. Будешь с молочком? С утра на рынок сбегала, купила парного.

Витя сглотнул – из кухни действительно доносились аппетитные запахи.

– Ну конечно будешь, чего я спрашиваю-то? – тетя Оля подтолкнула его к кухне, а сама закрыла дверь в квартиру. Она быстра налила ему из трехлитровой банки большую кружку молока и подтолкнула тарелку с румяными пирожками. – Ешь! Потом расскажешь!

Однако Витя не набросился на пирожки, хотя и взял один. Было видно, что его что-то гнетет.

– Тетя Оля, можно я вас кое-что попрошу. Только вы... не говорите маме. Хорошо?

– Господи... – сказала она, едва не опрокинув банку с мукой. – Ну как скажешь, конечно!

– Поклянись!

Женщина оторопела. Она быстро взглянула на Витю, но не нашла в нем каких-либо отклонений, вроде удара по голове или что-то в этом роде.

– Ну... клянусь. Не скажу! – быстро сказала она.

Витя удовлетворенно кивнул.

– Тетя Оля, в субботу в Лужниках пройдет забег на пять тысяч метров – чемпионат СССР. Вы можете со мной сходить? Я... я накопил деньги на билеты, но мама не пойдет, она ненавидит спорт и скорее всего будет занята на работе.

– Забег? – она потрясла головой, будто бы пытаясь отогнать невидимую муху. – Когда это ты увлекся легкой атлетикой?

Витя пожал плечами.

– Мне она всегда нравилась, – соврал он, содрогнувшись при воспоминании о беге и тут же испугавшись, что тетя Оля заметит его замешательство.

– А что мы маме скажем? И почему ей не говорить? – тетя Оля выглядела растерянной – она не понимала, в чем подвох.

– Маме скажем, что пойдем в зоопарк или в кино.

– Хм... – она машинально взяла пирожок с печенью и яйцом и откусила кусочек, хотя есть не хотела. – Ну... не вижу проблем, кроме... почему бы маме не сказать....

– Вы поклялись, – напомнил Витя.

Тетя Оля положила пирожок назад в тарелку, из его откушенной части вывалился кусочек желтка и упал на расстеленную газету.

Она на мгновение задумалась, но не найдя, что возразить, ответила:

– Ну ладно. Забег так забег. Давай сходим, почему нет, – женщина чуть заметно улыбнулась. Нравился ей Витя, хороший, смысленный мальчик. Она всегда думала, то его ждет светлое будущее. А спорт и светлое будущее идут рука об руку – об этом она слышала как-то по телевизору. Причин не верить обаятельному Николаю Озерову, сообщившему это сентенцию, у нее не было.

Получив согласие, Витя тут же расслабился и набросился на пирожки, словно его неделю не кормили. Он запивал их парным молоком и, не переставая, что-то рассказывал – она не слышала, что именно, да это было и не важно.

Глава 6

2010 год

Спал он плохо, урывками. За стеной почти до утра громко играла странная музыка, которой он не понимал. Исполнитель с томными придыханиями беспрестанно повторял один и тот же куплет и одни и те же слова:

«Черный папин танк, папин танк...»

И Виктор хотел, буквально видел себя, идущего к сотрясающейся от басов квартире, чтобы унять разгулявшихся нарушителей покоя, но что-то его останавливало. Может быть, страх сорваться, а может быть – и это было более вероятным, боязнь пропустить что-то важное в этом безумном медитативном речитативе.

«Черный папин танк...», – шептал он в сотый, потом в тысячный раз. И наконец, где-то между тысячью и двумя повторений веки его сомкнулись, огромная черная махина, до сих пор стоящая где-то на окраине утонувшего в серой пыли кишлака сдвинулась с места – гигантская башня со скрежетом развернулась и он увидел мерцающую бездну дула, затянувшую его в свою холодную пустоту.

Наутро Виктор вскочил, совершенно опустошенный. Голова гудела. Он прислушался, но из квартиры за стеной не уловил ни звука.

Наскоро перекусив, он выпил мерзкий растворимый кофе три в одном, выкурил сигарету, поглядывая на похмеляющихся позади вино-водочного магазина страдальцев – их трясущиеся руки и неровные, нервные движения вызвали в нем брезгливое, смешанное с какой-то легкой жалостью чувство. Рабы привычки – смогут ли они когда-нибудь взять себя в руки, смогут ли хотя бы попытаться исправить себя настоящего, а не прошедшего или будущего? Или их все устраивает?

Он встряхнул головой, будто отмахиваясь от ненужных и вздорных мыслей.

– Вперед, вперед! Сегодня важный день! – проговорил он, глянул на магнитофон, выходящий на столе. Ему вдруг захотелось включить его и прослушать запись – возможно, там появилось новое сообщение, однако он не стал этого делать.

Вместо этого Виктор надел кроссовки, старую джинсовую куртку «Монтана», которую носил после школы и в которую на удивление влез и вышел из квартиры.

Навстречу ему поднималась тетя Оля – старенькая и какая-то ссохшаяся. Она несла небольшую сумку, но даже эта ноша была для нее тяжела.

Виктор почувствовал укол в сердце. Кажется, еще вчера или даже буквально несколько секунд назад пышная и румяная тетя Оля кормила его вкуснейшими пирожками с мясом, печенкой и капустой, от пирожков еще шел дым, а парное молоко, купленное на рынке за углом было теплым – оно пахло коровой с добрыми глазами... и вот... он лишь моргнул... одно мгновение...

* * *

1984 год

– Тетя Оля! – мальчик постучал в дверь, потом дотянулся до звонка и позвонил. – Тетя Оля, открывается, мы опаздываем!

За дверью послышались мягкие шаги.

– Иду, – раздался веселый голос, дверь распахнулась, а из квартиры потянуло какой-то вкуснятиной.

Не сказать, что мама Вити плохо готовила, – наоборот, когда у нее было время, кажется, все у нее получалось отменно и Витя уплетал блюда за обе щеки. Но... тетя Оля, – та словно знала какую-то особую тайну, кухня была ее волшебной мастерской по изготовлению невероятных запахов, вкусов и ароматов. Каждый раз, попадая сюда, Витя с широко открытыми глазами разглядывал многочисленные непонятные ему принадлежности для готовки, висящие, стоящие или лежащие здесь практически повсюду.

– Так, сначала перекусим, – безапелляционно заявила тетя Оля. – Ничего не хочу слышать, – сказала она в ответ на вялый протест мальчика. – Какой бег на голодный желудок, а?

Поглядывая на часы с надписью «Луч», стрелки которых, по его мнению, вращались слишком быстро, Витя принялся за пахучие голубцы со сметаной, потом за чай с румяными творожными пышками и очень скоро почувствовал, что доведись участвовать в соревнованиях лично ему, вряд ли он смог бы даже стартовать.

– Добавки? – поинтересовалась тетя Оля, надевая выходную кофту.

Витя едва вздохнул и с трудом покачал головой.

– Спасибо! – проговорил он, силясь улыбнуться. – Я больше не могу...

– Так мы не едем? – всплеснула она руками и посмотрела в окно. Мягкое утреннее солнце входило над городом. В отдалении громыхал трамвай. Николай Степанович, высокий, степенный мужчина, местный почтальон – неспеша разносил газеты и письма по подъездам. Она смотрела на него и думала, какой он умный и интересный мужчина – читает много интересных журналов и газет, непременно здоровается с ней, когда они сталкиваются в подъезде – и она слегка краснеет, хотя в утренней полутьме это совершенно незаметно. Она знает, что он одинок и его умные, слегка грустные глаза, как бы случайно встречаясь с ее взглядом, полны доброты и какой-то затаенной нежности.

Принимая из его рук журнал «Работница», она приходит домой, прижимая глянцевые страницы к груди и долго сидит на кухне, вдыхая запах типографской краски и едва заметный, почти невесомый терпкий аромат одеколона «Саша».

Тетя Оля знает, что Витя выписывает журнал «Юный техник» и сегодня как раз он должен прийти.

– Кажется, Николай Степанович идет, – сказала она, стараясь, чтобы Витя не уловил нотки волнения в ее голосе. – Кажется, у тебя сегодня будет «Юный техник»!

Витя встрепнулся и вскочил со стула.

– Идем же, идем, тетя Оля, – вскрикнул он. – А то он положит журнал в ящик, а у меня ключа нет!

– Идем, юный техник, – засмеялась она и они вместе вышли из квартиры. Она замкнула дверь на ключ и они успели спуститься как раз в тот момент, когда почтальон, напевая шлягер новый шлягер Аллы Пугачевой «Айсберг», опускал газету «Правда» в ящик квартиры номер два.

– А я про всё на свете с тобою забываю... – негромко пел Николай Степанович, извлекая почту из большой сумки, когда увидел женщину с ребенком.

– Ольга Викторовна... – он осекся, перестал петь и неуклюже повернулся боком, зацепившись сумкой за ящики. – Здравствуйте! Кажется... – потом он увидел Витю и нашел выход из ситуации: – Витя! А для тебя есть кое-что особенное!

– Юный техник! – воскликнул мальчик и Николай Степанович радостно закивал. Он достал небольшой журнал и протянул его Вите.

На желтой обложке был нарисован молодой ученый в костюме и круглых очках, из стены торчали многочисленные провода, идущие к компьютеру, а у ног ученого плыла золотая рыбка.

«Нейтрино – золотая рыбка микромира. Учёные надеются поймать ее в глубинках Байкала» – гласила надпись сверху.

– Как интересно... – медленно произнес Витя, разглядывая обложку. Он не видел, как взрослые, между которыми он случайно очутился, замерли, глядя друг на друга и как невидимые искры пробежали между ними, притягивая и одновременно отталкивая их друг от друга.

Он думал, что красивее женщины еще не видел в своей жизни и вряд ли увидит, она же думала, что судьба такая сложная штука – они могли бы сделать шаг навстречу другу другу, быть вместе, быть счастливыми, но никогда, никогда этого не сделают. Почему-то не сделают. Она не знала, почему и была бессильна ответить на этот вопрос.

– Вам... газета... – тихо сказал он и протянул ей «Известия».

– А... «Работницы» нет? – так же тихо спросила она.

Николай Степанович тут же открыл сумку, полез в нее, потом выпрямился и ответил, словно извиняясь:

– Так... «Работница» в конце месяца...

– Точно... извините... – ответила тетя Оля, чувствуя себя до ужаса глупо.

– Тетя Оля! – вдруг вскричал мальчик, закрыв журнал. – Идем скорее! Мы же опаздываем!

– Куда же вы? – спросил почтальон, глядя на мальчика и женщину, с которой хотел побыть еще хотя бы минутку.

– Куда, куда... – Витя нетерпеливо потянул женщину к двери. – Чемпионат СССР по легкой атлетике! Нам нужно успеть!

– О-о... – только и вымолвил Николай Степанович. – До стадиона на пятерке – прямой трамвай идет.

Тетя Оля качнула головой.

– Спасибо, Николай Степанович. Мы побежали.

– Бегите, – ответил он, едва подавив комок в горле. Как хотел бы он оказаться вместо мальчика – бежать вместе с ней за руку на стадион... Увы... это было невозможно...

Они успели как раз в тот момент, когда пятерка закрывала двери. Вагоновожатая снова открыла двери, подождала, пока они зайдут в пустой вагон. Тетя Оля опустила монетку в три копейки в аппарат, открутила талончик и они уселись, глядя в широкие чистые окна на проносящийся мимо утренний город. Улица выглядела свежо и опрятно, будто нарисованная.

По мере приближения остановки Витя чувствовал возрастающее волнение – ему не сиделось на месте, он то и дело вставал, всматривался в окошко, загибал пальцы, что-то считая, доставал из кармана маленький свернутый листок в клеточку, быстро просматривал его и убирал назад в карман.

– Успеваем? – спросил он тетю Олю.

Та посмотрела на маленькие часики.

– Еще полчаса. Успеем!

Через две остановки они вышли и поспешили к кассам. Билеты стоили по пятьдесят копеек, школьникам – в половину меньше. Попав, наконец, на территорию стадиона, Витя увидел спешащих занять места любителей легкой атлетики. Он быстро сориентировался и потянул женщину к выходам на трибуны.

Пока тетя Оля, попав в непривычное для себя место, озиралась – Витя обдумывал план. Собственно, обдумывать было нечего – он решил действовать по обстановке, но на всякий случай приготовился к тому, что все может пойти не так, как он задумал.

Вообще, всей этой затее, сказать по правде, он не слишком уж верил. Ну как такое возможно, – думал он ночью перед соревнованиями, что его фаворит придет в числе последних. Это никак невозможно, это попросту какой-то розыгрыш.

Вновь и вновь он прокручивал запись на магнитофоне, пытаясь понять, кто же мог так над ним пошутить – и выходило, что только мама, так как больше в квартиру к ним никто не приходил и уж точно совсем никто, ни одноклассники, ни мамыны подруги или знакомые, да что там, даже знакомые знакомых – абсолютно достоверно не увлекались легкой атлетикой и не стали бы тратить на нее свое время. В этом Витя был уверен даже больше, чем в том, что солнце встает на востоке.

Они заняли удобные места недалеко от старта, солнце находилось за их спинами, так что они сидели в тени козырька.

На беговой дорожке прохаживались судьи в белоснежных костюмах, чуть поодаль располагалась внушительная камера телевидения, рядом с которой скучал бородатый оператор.

Витя, конечно же, ожидал увидеть более внушительное, помпезное мероприятие – все же, чемпионат СССР в беге на пять тысяч метров. Хотя, может быть, это был не самый главный чемпионат – а какой-то промежуточный, – он не успел это выяснить.

– Сколько еще? – нетерпеливо спросил он явно скучающую тетю Олю. Та пребывала в своих фантазиях об утренней встрече с Николаем Степановичем и ответила на сразу.

– Что? Что ты спросил, Витя?

– Время. Сколько еще осталось?

– Вон там, – она указала на левый край стадиона, – есть табло и на нем время.

– Точно! А я и не заметил. Тетя Оля, я быстренько в туалет сбегаю, хорошо?

Не ответив, она принялась было вставать, но мальчик быстро ее заверил:

– Нет, нет, лучше держите места. А то займут. У нас лучшие места!

Тетя Оля торопливо осмотрелась, пытаясь понять, чем же это они лучшие – с виду такие же как все, но Витя не дал ей сообразить и продолжил:

– Рядом с линией старта. Сейчас придут другие болельщики и нам бредится сесть на солнце.

Палящее солнце было для тетя Оли невыносимо – утренняя прохлада уже растаяла без следа и светило с каждой минутой делалось все жарче и жарче.

Подумав, она медленно опустилась на сиденье.

– Пожалуй, ты прав. Здесь хоть тенечек... – и почти сразу же спохватилась: – А ты знаешь, где тут туалет?

– Да, зайдешь туда и налево, – Витя показал на подтрибунное помещение, откуда то и дело выходили какие-то люди в легких костюмах и немногочисленные болельщики.

– А... ну ладно. Только мигом. Одна нога тут...

– ...другая там! – выпалил Витя и, ликуя, вскочил. Первый пункт плана прошел без сучка и задоринки. Оставалось еще два пункта и тут он понятия не имел, что выйдет.

Признаться, ему было страшновато. На всякий случай он даже взял с собой папин амулет – пулю на цепочке, которую тот привез в отпуск из армии, да забыл взять с собой.

Пуля слегка отягощала карман, зато придавала ему уверенности.

Он спустился в прохладный коридор под трибунами и в нерешительности остановился. Где искать раздевалки спортсменов? Он понятия не имел.

– Мальчик! – вдруг над самым ухом раздался голос, от которого Витя чуть не подпрыгнул. Он резко повернулся и обомлел. Перед ним стоял номер тридцать четыре – Леонид Остапенко! Среднего роста, неприметный, единственное, что отметил Витя – так это его мощные, как у тягловой лошади – икры ног.

У Вити помутилось в голове и он слегка покачнулся.

– Эй, – мужчина тронул его за плечо. – С тобой все нормально?

– Да... – едва проговорил мальчик. – Да... просто жарко.

– Это точно, – мрачно ответил спортсмен. – Я по жаре терпеть не могу бегать. Придется поднажать. Да... – спохватился он, подошел к автомату с газированной водой и кинул в него монету откуда взявшуюся. Полил газированный лимонад. Мужчина взял граненый стакан и протянул его Вите.

– Возьми, попей. Легче станет. А мне нельзя... иначе буду бежать и пердеть как паровоз!

«Так первым и придете!» – захотел крикнуть Витя, но вместо этого засмеялся и с благодарностью принял стакан. Лимонад и правда был очень вкусным, освежающим, с терпкими колючими пузырьками.

«А этот номер тридцать четыре не такой уж и плохой», – пришла ему мысль и сразу же захотелось рассказать бегуну о том, что поведал голос неизвестного мужчины из магнитофона: действительно, первые три тысячи восьмисот метров Леонид Остапенко будет довольно сильно сдавать, буквально плестись в аутсайдерах, но потом вдруг что-то случится и он обойдет не только мастеров спорта, маячивших спереди, но и самого Илью Шарова, который выступал под номером один.

Витя открыл было рот, но спортсмен, не дожидаясь, пока мальчик допьет лимонад, трусцой побежал к выходу на старт.

Зрители в белых панамках уже нетерпеливо хлопали, всем хотелось, чтобы забег начался побыстрее, пока солнечный жар не заполнил чашу стадиона до краев.

Диктор на стадионе объявил о подготовке к старту и Витя вдруг почувствовал необъяснимое беспокойство, даже страх – странное чувство, которого он никогда раньше не испытывал. Будто бы кто-то очень могущественный смотрит на него из темноты коридора, ожидая его действий, которые могут... могут изменить сам ход событий.

Витя думал об этом ночью, но тогда он решил, что ничего страшного не произойдет, – ведь он желает только самого лучшего, только добра.

Теперь же мысль о том, что последствия, к которым приведут его действия, могут быть очень серьезными, даже больше – катастрофическими, буквально захлестнула его.

Он вспомнил про наспех прочитанную в трамвае статью про нейтрино, эти неуловимые частицы, которые могут быть обладать невероятными свойствами – в том числе, оказывать воздействие на ход времени и почувствовал как покрылся липкой испариной. Страх сковал его с головы до пят, волосы на голове, казалось, зашевелились, а руки покрылись гусиной кожей.

– Па-ап! Папа, а кто сегодня выиграет? – звонкий девчачий голос вывел его из оцепенения. Он увидел как к автомату с газировкой подошел высокий мужчина в шортах и девочка лет десяти с красивым бантом – она была настолько красивой, что Витя открыл рот и тут же забыл про все свои страхи.

– А где стакан? – задал вопрос мужчина и Витя понял, что до сих пор не поставил стакан на место. Он покраснел, быстро подошел к автомату и быстро вернул его, несколько раз вдавив в помывочное устройство.

– Спасибо! – сказала мужчина и посмотрел на Витю. – А ты как думаешь, кто придет первым? – он пылливо уставился на мальчика, буравя его взглядом. Мужчина будто бы что-то знал, или, по-крайней мере, чувствовал.

Девочка заинтересованно повернула голову на мальчика. Ее прелестное личико было образцом юной прелести и очарования.

У Вити сковало язык, горло свело спазмом. Он смотрел на юное создание перед собой и не мог вымолвить ни слова.

– Он не знает, – беззаботно сказала девочка папе. – Откуда же он может знать, папа? Ведь соревнования еще не начались.

– А мне кажется, он знает, – ответил мужчина, запуская монетку в аппарат. – Любой, кто мало-мальски следит за легкой атлетикой, может уверенно сказать, что первым сегодня прибежит Илья Шаров – и он весело подмигнул мальчику. – Так ведь, герой?

Витя нервно моргнул и быстро взглянул на мужчину. Тот, однако, уже потерял интерес к мальчику (или искусно сделал вид, что потерял) и с удовольствием пил лимонад, а девочка возле него верещала на какие-то девчачьи темы, от которых у Вити почти сразу закружилась голова и он поспешил отойти глубже в коридор.

Сделав несколько шагов в темноту, он увидел дверь с надписью «Раздевалка», и, подумав мгновение, нажал на ручку.

Дверь беззвучно открылась и он увидел довольно большое помещение с рядом шкафчиков и несколькими скамьями посередине. На стенах раздевалки висели плакаты с изображением олимпийских чемпионов в разных видах спорта, а над маленькими окошками, выходящими прямо на стадион, красовалась надпись: «Боритесь за новые достижения в спорте».

Витя несмело оглядел пустое помещение и мгновение спустя, в самом углу заметил мужчину. Тот сидел без движения и отрешенно смотрел прямо перед собой. Витя тотчас узнал его, каждое утро он видел его на плакате – тот самый номер один – Илья Шаров, восходящая звезда бега, которому не было равных в легкой атлетике.

Ну вот, – подумал Витя. – Сейчас он услышит, что я скажу и выгонит меня. А когда все узнает тетя Оля, то расскажет маме и... – Витя зажмурился от ужаса.

– Привет, – раздался голос в гулкой пустоте. – Тебя как сюда занесло? Беги на трибуны, через пару минут начинаем.

Витя поднял голову и посмотрел на мужчину.

Собственно, это был еще молодой парень, лет может быть двадцати двух, хотя Вите он казался очень взрослым. Но все равно, в его глазах было что-то бесконечно детское и чуть печальное.

Витя кивнул, но не сдвинулся с места.

– Понимаешь, – сказал зачем-то парень, – я не могу... не могу заставить себя выйти на дорожку! – Он покачал головой и покосился на дверь. – Сейчас придет мой тренер и вытолкает меня. – Но я не могу... – почти с мольбой повторил он. – Несколько лет назад мне нагадали, что я проиграю один важный старт, потом еще один, попаду в аварию и сопьюсь... и с тех пор я словно сам не свой... ноги не слушаются. Мне очень, очень страшно... – парень обхватил голову руками и всхлипнул. – Тренер говорит, чтобы я выкинул эту ерунду из головы, но я не могу, понимаешь?! Каждый день, каждый вечер, я прихожу с тренировки и не могу уснуть... только об этом и думаю...

Витя замер у входа.

Значит, все, о чем говорил мужчина в магнитофоне, хоть еще и не случилось, но в какой-то степени правда? Как такое возможно?!

Маленькими шагами, оглядываясь на белую дверь, Витя приблизился к парню и присел рядом на скамейку. Жара усиливалась и резкий запах пота в раздевалке становился невыносимым.

– Вы... – тихо сказал Витя. – Вы... сможете. Я знаю.

Парень поднял голову и посмотрел на мальчика, сидящего рядом. Обычный мальчик, ничего особенного, но что-то в нем было... что-то странное.

– Да что ты можешь знать... – вздохнул Илья и начал подыматься, но Витя взял его за руку и задержал.

– Погодите. Пойдите!

Спортсмен удивленно взглянул на мальчика, но снова сел на скамью.

– Если тебе автограф, то давай...

– Нет. Слушайте... я должен вам это сказать. Должен! На три восьмьсот, вы на любимой второй дорожке и следите за первой дорожкой, но опасность будет справа, справа, тридцать четвертый делает резкое ускорение и никто, никто его не замечает, потому что вы выходите против солнца, на миг слепнете и упускаете момент! – выпалил Витя и сжался от испуга. Что же он наделал??

Спортсмен удивленно и как-то очень медленно повернул лицо и взглянул на мальчика.

– Остапенко? На предпоследнем круге? Не может быть!!! – он оглянулся через левое плечо, потом посмотрел направо и назад – будто бы перенесся в самую гущу бегового сражения и по его расширившимся от удивления и какого-то странного озарения глазам, Витя понял – он попал в цель.

Шаров увидел. Он все увидел. Как все будет. До мельчайших деталей, до самой мелкой крапинки на беговой дорожке, до самого тоненького луча, до самого победного вздоха...

Витя выдохнул и не дожидаясь, пока спортсмен опомнится, стремглав выскочил из раздевалки.

– Стой! – услышал он вслед. – Постой, мальчик! Эй!!!

Но Витя помечался по темному коридору, резко свернул направо к выходам на стадион, вынырнул в сверкающую чашу и зажмурился от яркого солнца и разогретого воздуха. Не оглядываясь, он побежал дальше, на трибуны, быстро нашел свой ряд и юркнул на свое сидение.

Тетя Оля обмахивалась веером, сделанным из газеты.

– Ну слава богу! – сказала она. – Я уж хотела идти тебя искать. Все нормально? – спросила она, глядя на запыхавшегося мальчика.

– Да... – сказал Витя, с трудом переводя дух. – Только... только давайте все-таки пересядем подальше от линии старта. Например, вон туда, посередке и повыше, чтобы лучше видеть. Там и козырек и воздуха больше.

Тетя Оля оглянулась и пожала плечами.

– Ну пойдем, а то здесь действительно ни ветерка.

Они поднялись наверх и уселись за пожилой парой в смешных панамках.

Как раз в этот момент спортсмены начали выстраиваться на линии старта. Все кроме одного. Номер один отсутствовал.

Витя забеспокоился.

Но через пару минут Илья Шаров все же появился. Передвигался он какой-то неуверенной, странной походкой, постоянно оглядываясь, будто кого-то искал.

Витя опустил поглубже в сиденье и надвинул пилотку из газеты на глаза.

Будь что будет, – подумал он.

В этот миг чашу стадиона взорвал выстрел стартового пистолета, бегуны дернулись и время побежало с неумолимой быстротой.

Глава 7

2010 год

– Несмотря на то, что в отношении вас... – майор с уставшим лицом и черными мешками под глазами вскользь пробежал по его делу – картонной папке, на которой Виктор успел увидеть цифры «Дело № 822/Ф4-41», – ...вынесено решение об отмене обвинительного приговора в связи с пересмотром дела, вам придется являться сюда каждую неделю и отмечаться. В противном случае...

Виктор напрягся. Родина не слишком была рада его видеть, даже после того, как выяснилось, что он вовсе невиновен.

– В противном случае... эй, Михалок, какая санкция в случае неявки?

В соседней комнате засвистел чайник и перекрывая его режущую слух сирену, еще громче заорал напарник участкового:

– Сначала штраф, потом...

Виктор закрыл глаза. Он не мог этого больше выносить.

– Гражданин Крылов, вы все поняли? Тогда распишитесь. Здесь и здесь.

Виктор очнулся, потер виски, взял со стола оранжевую шариковую ручку с отгрызенным кончиком и расписался в журнале.

– Можете идти. И приходите в следующий раз без напоминаний.

Виктор кивнул, поднял небольшой рюкзак, скрючившийся у ног и, взглянув на глобус, точнее, только на одну его половину, служившую украшением огромного старого сейфа, направился к выходу из кабинета.

Знакомая картинка на боку стального железного монстра, выкрашенного в густой вязкий зеленый цвет, на секунду, на мгновение промелькнула перед его глазами.

НО И ЭТОГО ХВАТИЛО.

Виктор почувствовал, как пол под ногами, покрытый блеклым, исцарапанным линолеумом уходит из-под ног.

«Это просто совпадение», – пронеслась в голове мысль. «Банальное, обычное совпадение, ничего больше» – попробовал он успокоить сам себя, но получилось плохо. Сердце екнуло, он открыл рот, пытаясь вдохнуть и... не смог.

Его окатила волна горячего воздуха. Будто бы прямо перед ним находилась тепловая пушка, изрыгающая расплавленный, лишенный любых жизненно важных элементов газ.

Виктор поднял руки к лицу, чтобы этот ветер не высушил его глаза и не выжег слизистую оболочку носа.

* * *

1984 год

– Витюша, тебе плохо? – кто-то тряс его за плечо, и он не сразу понял, кто это мог быть. Странная картина, настолько странная, что он даже не мог понять, что бы это могло быть, стояла перед глазами. Какой-то пожилой человек, или, по крайней мере, в приличном возрасте, например, как почтальон Николай Степанович, который явно симпатизировал его маме – сидел

за столом... и он был... Витя потряс головой, чувствуя, что прямо сейчас может от страха схватиться под себя по-маленькому. Там был человек в форме, похожей на милицейскую и он был настолько реальным, настолько знакомым, что у мальчика скрутило живот от ужаса.

Он закрыл лицо руками, чтобы темнота «съела» эту картинку, растворила ее в своих мерцающих точках, но не тут-то было.

Чья-то теплая рука коснулась его кожи, он сильно вздрогнул и едва не закричал во все горло.

– Господи, малыш! – над ухом раздался женский голос. Это была тетя Оля. – Да у тебя, похоже, солнечный удар! Идем отсюда быстрее! – Она всплеснула руками, достала откуда-то бутылку воды и начала прыскать на его разгоряченный лоб.

Как же он ненавидел, когда его так называли! Даже матери он строго-настрого запретил это детское прозвище «малыш», но тетя Оля... ей правила были не писаны.

Витя встрепенулся, открыл глаза. В лицо ему пахнул горячий, знойный летний воздух. Прохладная вода на лбу, щеках и груди вернула его в чувство, и та страшная картинка перед глазами почти сразу же пропала, хотя какая-то то ее часть, фантомная и прозрачная, как тело медузы, продолжала существовать. Он не видел ее, он знал, что она есть. Что она – реальна.

Со стороны лестницы, вскарабкавшись на верхний ряд, к ним приблизился поджарый мужчина, одетый легкие брюки и белую рубашку. К нагрудному карману маленькой блестящей прищепкой крепился, похожий на календарик, небольшой пластиковый прямоугольник.

Витя поерзал на стуле. Он сразу понял, что мужчина пришел явно не просто так. Наверное, кто-нибудь увидел постороннего мальчика в подтрибунном помещении, а может быть... и того хуже – на него пожаловался спортсмен номер один, Илья Шаров.

Мужчина пристально посмотрел на Витю, потом нагнулся к тете Оле и что-то ей зашептал, поворачивая голову то вправо, то влево, отчего Вите казалось, что он нюхает тети Олину шею, страстно и горячо – произнося при этом горячие бесстыжие слова, которые Витя, приносясь, что он спит, иногда слышал с экрана телевизора во время маминых ночных бдений.

В такие моменты Витя слышал еще, что мама плачет и каждый раз думал, глядя экран телевизора в отражении зеркала, что тяжело дышащий дядя пугает не только тетю на экране, но и маму. А еще он может ненароком укунить прямо за шею.

Глядя на мужчину, Витя подумал, что нужно было уйти сразу, не дожидаясь начала забега – но тогда бы это выглядело слишком подозрительно. Да и деньги уплачены. Теперь же поздно – наверняка этот странный бегун рассказал все судьям, или, хуже того... он вспомнил человека в форме.

Ему грозит по меньшей мере – детская комната милиции, о которой среди пацанов ходили такие истории, что даже ужасный замок Иф, где отбывал наказание граф Монте-Кристо, казался сущей безделицей и совсем не страшным местом.

Детскую комнату милиции, которой пугали непоседливых подростков и чересчур шаловливых детей – на самом деле никто никогда не видел, по крайней мере, в его окружении. Она представлялась пугающим, черным, совершенно изолированным помещением, расположенным в какой-нибудь шахте, на самом ее дне, куда не проникает ни солнечный луч, ни человеческий голос – и там, в окружении отвратительных зловонных существ, напоминающих собак с перепончатыми крыльями, которые стерегут нашкодивших мальчиков (разумеется, девочки в эту комнату не попадали) проходят дни, недели, месяцы и годы перевоспитания.

Короче, не очень приятная перспектива.

Тем временем, мужчина выслушал ответ тети Оли и замер в ожидании.

Сердце мальчика стучало как паровой молот, и попадание в казематы для перевоспитания уже не казалось ему чем-то таким фантастическим.

Кажется, он даже чувствовал вонь и тесноту этого жуткого места.

– Витя, – строго произнесла тетя Оля. – Сейчас ты должен сказать правду. Посмотри на меня. Видишь этого мужчину?

Витя поднял глаза. В них стояли слезы.

Тем временем, на стадионе пошел третий круг и Шаров, разумеется, вел. Он бежал легко, изящно, даже как-то немного лениво, если можно так выразиться – не так, чтобы явно оскорбить соперников, но человек понимающий, специалист в беге, сразу же заметил бы это преимущество и то, с какой непосредственностью и отсутствием апломба спортсмен реализовывал это его.

До финиша осталась еще пять или шесть кругов.

– Этот мужчина заметил, что ты... – рев стадиона заглушил ее голос, Витя повернул голову и увидел, что номер двадцать три – неизвестный ему спортсмен – предпринял резкое ускорение и поравнялся с Шаровым.

– Я так и думал, – пробормотал Витя. – Все это фигня.

– Что ты сказал? – тетя Оля округлила глаза.

Витя спохватился.

– Ой... просто... – и он указал пальцем на номер двадцать третий, однако тетя Оля и слышать не хотела его объяснение.

– Витя. Это очень важно. Посмотри на меня.

Мальчик снова взглянул на тетю Олю. Та явно была настроена серьезно, однако теперь ему совсем не хотелось уходить – он во чтобы-то ни стало желал досмотреть гонку сильнейших бегунов.

– Этот мужчина заметил тебя с трибуны и решил, что...

Стадион снова взорвался овациями.

Витя крутнул головой – ему было странно, что такое небольшое количество зрителей могут так громко аплодировать. Скорее всего, дело в специально спроектированной форме стадиона в виде чаши и любые звуки здесь усиливались в несколько раз.

– Андриан Ветров, выступающий под номером двадцать три за спортивный клуб «ЦСКА» обходит Илью Шарова под номером один! – взволнованно сообщил диктор. Мужчина с бэджом на рубашке посмотрел на беговую дорожку и лицо его стало озабоченным. Он словно бы потерял интерес к Вите и его маме (скорее всего, он думал, что это его мать) и Витя взмолился, чтобы он ушел. Однако мужчина продолжал терпеливо дожидаться, пока шум утихнет и тетя Оля, наконец, добьется ответа от мальчика.

– Витя! – она повысила голос, не желая смотреть беговой поединок, потому что вообще не понимала смысла в том, что мужчины в трусах носятся друг за другом в рабочее время вместо того, чтобы убирать урожай или, на худой конец стоять возле кульманов, проектируя красивые и удобные дома для советских граждан. – Ответь мне! Как ты себя чувствуешь?! Этот мужчина работник стадиона. Он заметил, что ты неважно себя чувствуешь и он обязан вызывать скорую или оказать тебе первую помощь! – конец фразы она почти выкрикнула, потому что на стадионе близилась финальная развязка и трибуны встали.

– Нормально, – буркнул Витя. – Я отлично себя чувствую! Это просто... просто я волнуюсь за... за них! – он указал рукой на маленькие фигурки бегунов, быстро перемещающихся на другой стороне огромной чаши.

Тетя Оля недоверчиво взглянула на него, потом приложила тыльную сторону ладони ко лбу и покачала головой.

– Знала бы, что будет такая жара, в жизни бы не пошла! – сказала она.

– Этот забег вы запомните на всю жизнь... – зачем-то сказал Витя и тут же спохватился.

– Что? – спросила она.

Впрочем, все, что относилось к забегу, было ей не интересно и она, сделав знак мужчине в белой рубашке, что-то зашептала ему на ухо.

Тот внимательно оглядел Витю и после минутного размышления удалился.

– Победит тридцать четвертый, – сказал Витя.

Тетя Оля, обмахнувшись самодельным веером, взглянула в чашу стадиона и покачала головой.

– Даже здесь, Витя, победа дается ценой огромного труда. – Зрение у нее было отличное, Витя прекрасно это знал – потому что она частенько смотрела на него с балкона и потом, между делом, говорила такие шуточки, о которых он бы сам никогда в жизни не догадался.

Например, что Николай Степанович уже начал раскидывать газеты в доме номер двадцать два – а это было за несколько сот метров от их дома, она кричала Вите, чтобы тот дежурил у подъезда в ожидании нового номер «Юного техника». Витю она, конечно звала для подкрепления, на всякий случай, чтобы страсть Николая Степановича не вышла из-под контроля.

– ... и номер тридцать четвертый явно сачковал, когда первый пахал и пахал. Как конь, – добавила она. – Потому-то и идет он в конце.

Витя пожал плечами.

– Разве не бывает исключений? Разве всегда больше получает тот, кто больше работает?

Простой детский вопрос поставил тетю Олю в тупик. Но взглянув еще раз на бегущих мужчин, лица которых были красными, а тела блестели, словно у древнегреческих атлетов, она быстро нашлась.

– В каждом правиле бывают исключения. Но это только доказывает правило. Вот и все.

Витя кивнул. Ему не хотелось заострять на этом внимание, у него была другая задача.

Шаров отставал на метр, но бежал легко и раскованно. Было видно, что он ничуть не волнуется утрате первенства в гонке. И странный разговор в раздевалке, слова, которые он сказал Вите – будто вовсе и не он говорил. За Шаровым бежал номер «264», следом «252», потом «54» и замыкал колонну «34».

До финиша оставалось полтора круга.

Спортсмены бежали против солнца.

Двадцать третий, хоть и выбежал на полтора метра вперед – видимо, отдал рывку последние силы – он бежал как-то странно, виляя задом, неестественно подбрасывая ноги и размахивая локтями, точно гусь крыльями.

Зачем он это сделал? – подумал Витя. На что надеялся? Шаров – хитрый, умный, расчетливый и очень сильный бегун. Выбежать вперед на последнем километре – смерти подобно, нужно быть уверенным в своих силах даже не на сто, на тысячу, на миллион процентов. Иначе...

Стадион вдруг умолк и это зловещее молчание показалось Вите символичным. Он не знал еще этого слова, но именно так подумал.

– Что-то сейчас будет, – прошептали его губы.

Тетя Оля, всей душой ненавидевшая бег, слегка привстала со своего сиденья. Она забыла про веер и теперь, приставив козырьком ладонь левой руки ко лбу, напряженно следила за происходящим на беговой дорожке. Ее рот слегка приоткрылся, а по щеке текла маленькая прозрачная капелька пота, в которой, словно в крохотном алмазе отражались яркие лучи полуденного солнца.

Диктор что-то крикнул, Вите послышалось, что он сказал: «Ну же, Шаров!» и умолк.

Яркое, невыносимо яркое солнце светило ему в левый глаз и буквально прожигало левую щеку. Каково же бежать спортсменам? Витя взял бутылку с водой, которую тетя Оля поставила на сиденье и сделал судорожный глоток. Вода уже нагрелась, но все равно, по сравнению с температурой воздуха была прохладной и живительной.

– Ну же, Шаров, – прошептал Витя.

Он не мог смотреть на беговую дорожку, не мог вынести накала борьбы и творящейся прямо на его глазах истории.

Только кто творил эту историю? Не он ли сам?

Витя почувствовал необычайное волнение.

По спине и ногам пробежали мурашки и вдруг ему стало холодно, будто бы стадион накрыл какой-нибудь антарктический циклон.

– Этого не может быть! – взорвался диктор. – Вы только посмотри... – на этом фразе оборвалась, потому что зрители вдруг начали скандировать:

– Три-четыре, три-четыре, три-четыре!

Со стороны можно было подумать, что это какая-то простейшая считалка – и, наверняка, прохожие, которые случайно оказались в этот момент возле стадиона «Динамо», так и предполагали. Только вот кому вздумается орать эту считалку в несколько сотен или даже тысяч голосов?

Но Витя знал.

Он не поднимал глаза, потому что все знал.

– Это невероятно... вы только посмотрите! – диктор, кажется, проснулся и решил наконец, выполнять свою работу. – Леонид Остапенко делает чудовищное ускорение и нагоняет сначала... сначала... Нет, я не верю своим глазам! Он обходит Илью Шаров, который просто не заметил его, легко настигает лидера гонки Андриана Ветрова и тому ничего не остается, как подвинуться!

Витя поерзал на сиденье, но глаз не поднял. Тетя Оля вдруг тронула его за плечо.

– Вить! Витька, смотри, смотри же! Смотри, что творит! – Ее полные белые ноги ходили ходуном, кажется, она и сама была не прочь припустить по ровной беговой дорожке. Азарт полностью овладел ею.

– Я знаю, – тихо сказал Витя и открыл глаза.

Опередив основную группу метров на десять, Леонид Остапенко, бегун под тридцать четвертым номером, финишировал первым. Он раскинул руки, словно крылья и бежал – словно парил, замедляясь, словно во сне. Кажется, он сам не верил тому, что произошло.

Вторым финишировал Шаров, за ним двадцать третий Ветров.

Табло высветило результаты гонки.

Витя посмотрел на Шарова.

Тот выглядел оглушенным. Поверженным. Разбитым.

Спортсмен подошел к Леониду Остапенко, коротко пожал тому руку и тут же скрылся в подтрибунном помещении, проигнорировав призывы болельщиков. Тот самый общительный Шаров даже не посмотрел на своих преданных поклонников...

Витя почувствовал горечь на губах и какое-то отвратительное чувство стыда. Но стыда не за Шарова, а за свой поступок, за то, что он не смог уговорить... предотвратить, помочь... а ведь он сделал все, что было в его силах. Или не все?

На глазах его выступили слезы.

– Ты видел?! Ты видел это? – тетя Оля повернулась к нему. Ее разгоряченное лицо улыбалось и вообще вся она светилась радостью и каким-то ярким, излучающим счастьем – будто гонку выиграла она сама.

– Ой, что это с тобой? – она заметила мокрые глаза мальчика и всплеснула руками. – Ты расстроился? Ну же... Витя/. ты же сам говорил, что... – тут она опомнилась и вдруг лицо ее стало удивленным и даже слегка шокированным: – А... откуда ты... знал? – она перевела взгляд на группу мужчин, которые быстро передавали друг другу деньги и поняла, что это подпольные букмекеры раздают выигрыши. – Господи, – прошептала она. – Это ж сколько можно было выиграть...

– Ставки были сорок к одному, – тихо сказал Витя.

Тетя Оля тут же приложила ладонь к его рту.

– Т-с-с! Тихо! Откуда... откуда ты знаешь?!

– Я подслушал, когда в туалет ходил, – сказал Витя и это было правдой.
– Невероятно, – сказала тетя Оля. – Что-то блеснуло в ее глазах, может быть, это был луч яркого солнца, а может что-то еще.
– Пойдем, тетя Оля. Мне что-то очень жарко, – сказал Витя.
Она взяла его за руку, и они поспешили на выход.
Вокруг шли люди и все они обсуждали прошедший забег.
Все они говорили примерно одно и то же.
ЭТОГО НЕ МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ НИКОГДА.
Бегуны сговорились, чтобы... что? Шаров проиграл? Но это невозможно!
Кто-то позади тихо сказал:
ДОГОВОРНЯК...
Но Витя не знал такого слова и был уверен, что Шаров никогда в жизни не отдал бы победу ни за какие деньги.

* * *

2010 год

Ему не терпелось покинуть это учреждение, но только он перенес ногу через порог, как удивленный возглас майора остановил его.
– Эй... погодите-ка.
Виктор замер в дверях. Что еще могло пойти не так?
– А вы случайно не тот Крылов, у которого отец в Афгане служил?
Сослуживец? Возможно... или...
Виктор медленно повернулся.
– Да... – сказал он. – Мой отец... Алексей Петрович Крылов погиб, выполняя интернациональный долг в Афганистане.
Майор покачал головой.
– Как же я сразу не догадался... – он задумчиво вертел оранжевую ручку, которой Виктор минуту назад расписывался в потрепанном журнале с жеваными уголками страниц.
Виктор почувствовал, как легкий, почти невесомый холодок – предвестник плохих новостей, заполняет живот и грудную клетку.
– Ваше лицо показалось мне знакомым... хотя мы никогда не встречались, – сказал майор. – Значит, так похожи на отца.
Виктор пожал плечами.
– Все может быть...
Майор кивнул.
– Вы свободны. Пока что.
Виктор вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.
По левому глазу скользнул лучик – он вдруг вспомнил стадион и тот забег и как нещадно слепило солнце. Было жарко, почти как сейчас и...
Он уставился на позолоченную табличку, прикрепленную к двери. На ней крупными черными буквами было написано:
«Старший участковый, майор полиции Шаров Илья Андреевич».
Виктор почувствовал, как земля уходит у него из под ног. Он успел облокотиться о стену, чтобы не упасть.
Вдох-выдох, вдох-выдох, – он попытался дышать, но не мог.

Горячий воздух буквально плавил легкие.
В кармане звонил телефон.

Глава 8

1984 год

До вечера Витя просидел в своей комнате. Он поглядывал на магнитофон, стоящий на столе, порывался включить воспроизведение, но всякий раз что-то происходило. Мама была дома и никуда не собиралась и раньше он был бы только рад этому факту, но не сегодня.

– Хотела прогуляться с Олей, но она чем-то занята, ждет каких-то результатов... кстати, как ваш поход на стадион?

Витя скользнул взглядом по календарю и быстро ответил:

– Было жарко и как-то... скучно. Наверное, легкая атлетика – не мой вид спорта. Не люблю я бег, ты же знаешь!

Мама улыбнулась:

– А Оля только и говорит, что про эти соревнования. Так уж ей понравилось. Никогда бы не подумала.

Витя качнул головой, как бы отмахиваясь от картины шепчущего в тети Олино ухо мужчины. Уж он-то знал настоящую причину.

– Кстати... – продолжила мама, глядя на магнитофон. Витя проследил за ее взглядом и съезжился. – Оля сказала, что вы и следующую субботу пойдете...

Витя пожал плечами. Он не хотел терять преданного союзника в лице тети Оли, готового в любую минуту прийти на помощь.

– Пойдем, – без энтузиазма подтвердил он. – Может быть, прыжки с шестом интереснее бега.

Мама удивленно подняла брови.

– Прыжки? С шестом? Что это с Олечкой случилось... – задумчиво произнесла она и вышла из комнаты.

Всю вторую половину дня он вслушивался в происходящее на кухне, звон посуды, громыхание кастрюль, шкворчание масла на сковороде и, всякий раз, когда его палец тянулся к черной кнопке воспроизведения записи магнитофона «Комета-209» – ему казалось, что мама снова направляется в комнату. И всякий раз ошибался.

Однако, рисковать было нельзя.

Несколько раз с улицы раздавались голоса пацанов. Перекрикивая друг друга они звали его во двор:

– Витек! Витька, выходи в футбол! Эй, Витоха! Ви-и-ит, ты где там?

Чуть позже его звали лазить на крыши гаражей, потом «в квадрат», и уже ближе к вечеру, когда стало темнеть, градус искушения вырос до неприличия – на школьном стадионе он заметил Лену с двумя подружками. Девочки сидели на скамье и следили за ходом футбольного матча между его, Витькиным двором и двором Лены.

Получается, что он не только предал свой двор и свою команду, но и потерял возможность на правах победителя угостить Лену пирожным «Корзиночка», которое она так любила.

Витя с тоской посмотрел на рубль, сморщившийся на подоконнике, словно старый осенний лист. Потом резким движением задернул шторы и сел на диван.

Попытка занять себя чтением Жюль Верна потерпела неудачу: приключения героев, которые еще вчера казались головокружительными и опасными, теперь вызывали тоску.

Он ждал вечера и программу «Время» по телевизору, где после основной, самой скучной части про достижения партии и правительства последуют спортивные новости.

Конечно же, диктор расскажет об итогах забега, и Витя почти не сомневался, что несмотря на очевидный результат, объявленный на стадионе, победа будет за Шаровым.

Он снова посмотрел на спортивный календарь, будто бы в нем была скрыта некая тайна. Кажется, от его взгляда на майке Шарова уже протерлась дырка, а сам он стал пунцовым – то ли от натуги, то ли от смущения.

Витя погрозил ему пальцем.

– Смотри мне! Не подведи!

* * *

Он слонялся по комнате, прислушиваясь к монотонному голосу диктора программы «Время». В ушах до сих пор звенел голос тети Оли:

– Леня, Ленечка, Леонид, какой молодец этот молодой человек... вот как, Витя, нужно трудится, чтобы побеждать фаворитов. – Она многозначительно молчала, вышагивая по только что политому тротуару, кидала на него быстрые взгляды, будто проверяя, как он себя чувствует. Потом любопытство и азарт пересиливали скромность, и она быстро говорила, нагнувшись к его уху точно так же, как тот мужик с карточкой на кармане нагибался к ее:

– А ты точно слышал... ну... это... – она кивала головой в сторону, боясь произнести запретные слова.

– Да, как пить дать, – отвечал Витя беззаботно и в конце концов возненавидел имя победителя гонки.

В его 6 «б» классе был один Ленечка, по фамилии Архангельский, училка благоволила ему, будто и взаправду видела в нем ангела: все у этого Ленечки получалось легко и непринужденно, тогда как Вите каждая задача, каждый пример, да вообще, кажется, любой шаг давались с огромным трудом.

«Теперь вот и тут...» – подумал он, переступая через прозрачную лужу, на дне которой, словно пиратский клад, плавал... он нагнулся и его охватила внезапная радость. Это был рубль! Целая, настоящая купюра в один рубль! Немного потрепанная, мокрая, с оторванным уголком, но в остальном – если ее высушить и разгладить...

Он быстро поднял банкноту и сунул ее в карман.

Тетя Оля настолько погрузилась в свои мечты, что, казалось, вообще забыла обо всем вокруг.

– А когда будет следующее соревнование? – вдруг спросила она. – Пока не пошла с тобой... а ведь не хотела же! – она театрально вздохнула и продолжила, – ... и подумать не могла, что мне может нравиться легкая атлетика. Бег – особенно, – подытожила она, глядя затуманенным взором куда-то вдаль.

Витя покосился на нее, чувствуя, как прохладная вода от купюры просочилась сквозь карман и потекла по ноге. Он был в светлых шортах и осознание того, что прохожие или, не дай Бог, тетя Оля, а еще хуже – кто-нибудь из одноклассниц (он, разумеется, представил Лену в спортивном костюме «Адидас») пойдет сейчас навстречу и увидят темное пятно... что они подумают? Ясно что – Витя намочил штаны. Не добежал до дома.

Послезавтра смешная и одновременно страшная весть разнесется по всей школе. Отличник Леня закатит глаза, как он это обычно делает, когда кто-то из класса не находит ответ в первую же секунду после прочтения задачи.

Хулиган Илья Шкет, причем Шкет была одновременно и фамилией, и кличкой – мелкий, верткий, наглый и самоуверенный пацан – метнет в него самолетик и обязательно попадет

прямо в затылок – он это проделывал очень ловко. Тогда весь класс заржет, но слышать Витя будет только один голос – ЕЕ. Голос Леночки Евстигнеевой.

Она сначала поморщится, а потом тихо засмеется в кулачок, впрочем – не со зла, в этом Витя был уверен, а просто так получится, – само собой.

Всю эту картину воображение нарисовало в один миг, и он уже был не рад этому рублю, на который можно купить так много всего вкусного и даже угостить Лену на зависть Шкету, который тоже был в нее влюблен, хотя и не признавал этого.

Витя быстро взглянул на тетю Олю, та шагала быстрее, подстегиваемая невидимой силой.

– В следующую субботу, – сказал Витя.

– Что? Что в следующую субботу? – спросила она, очнувшись.

– Соревнования. Вы же спросили.

– А... да? Ну надо же! Если хочешь, я обязательно с тобой пойду. Даже заранее съезжу и куплю билеты.

– А можно веер? – спросил Витя.

Тетя Оля не сразу поняла его вопроса.

– А то мне жарко, – пояснил мальчик.

Она достала из сумки самодельный бумажный веер из газеты и протянула ему. Витя лениво махнул пару раз и опустил веер на шорты.

Теперь он чувствовал себя гораздо лучше.

– Очень хочу! – сказал он.

Тетя Оля открыла было рот, чтобы что-то сказать или спросить у него, но встрепенулась и тотчас смолкла. У крайнего подъезда стоял почтальон, Николай Степанович.

– Странно, сегодня же суббота, – задумчиво произнесла тетя Оля и поспешила скорей домой, избегая встречи с мужчиной.

* * *

Втайне Витя надеялся, что Остапенко все же нарушил какие-нибудь правила. Схватил противника за майку, зашагнул за линию, да мало ли, что можно нарушить... Таким образом, все закономерно, Шаров придет первым, а Остапенко дисквалифицируют. Равновесие восстановится.

Он насилу дождался восьми вечера и когда услышал знакомые позывные «Времени», аж подскочил от нетерпения.

Прослушав нудные и никому не нужные полчаса он узнал, что семьдесят два процента американцев не одобряют воинственную политику Рейгана (и тут же подумал, какое счастье, что он родился в СССР, а не там, в оси зла), что в Воркуте молодая семья Трутневых, у которой родилось пятеро детей, получила пятикомнатную квартиру и автомобиль «Жигули», что бригадный подряд это лучшее достижение народного хозяйства... Витя уже подумал, что спортивных новостей сегодня не будет, когда диктор, лицо которого было словно вырезано из камня, сказал:

– О спорте. Сегодня на Центральном стадионе «Динамо» прошло первенство страны по бегу на пять тысяч метров. Участников соревнования, несмотря на жаркую погоду, пришли поддержать поклонники и любители бега.

Камера показала чашу стадиона, разделенную светом и тенью на две почти равные части. У линии старта замерли уже знакомые Вите спортсмены. Прогремел выстрел стартового пистолета, Витя успел заметить, что Шаров как-то странно взглянул прямо в экран телевизора – в

его, Витины, глаза, будто бы понимая, что мальчик сейчас наблюдает за ним, но в следующий миг картинка исчезла и на экране вновь возникло непроницаемое лицо диктора.

– В упорной борьбе за первое место, которое дает право участвовать в международных стартах, победы... поб...

По экрану побежала рябь, звук исказился, и Витя кинулся к окну, потому что причиной помех могли стать птицы на антенне, либо же какой-нибудь радиолюбитель, который устанавливая собственную конструкцию, задел и повредил кабель.

Витя распахнул створку, дважды ударил ладонью по карнизу – этого обычно было достаточно, чтобы спугнуть пернатых.

Он вернулся к телевизору, изображение восстановилось, и диктор теперь казался еще более мрачным. Он сидел там, в студии, глядя в объектив телекамеры и молчал. Потом кивнул кому-то, по лбу пролегла глубокая морщина и заговорил вновь.

– Дорогие телезрители, в Останкино случились технические неполадки. Мы проносим извинения за сбой в телевизионной трансляции. Вернемся к чемпионату СССР по бегу на пять тысяч метров. В этом соревновании победил бегун, выступающий под номером тридцать четыре Леонид Остапенко. Илья Шаров под номером один пришел вторым и замкнул тройку лидеров Андриан Ветров, номер двадцать три.

В городе Краснодар состоялись соревнования по гиревому...

Дальше Витя уже не слушал. Он ринулся в комнату, чуть не сбив возникшую в проеме маму.

– Витя! Что случилось?!

Он схватил лежащий на подоконнике рубль, в прихожей натянул фирменные кеды «Два мяча», которые мама достала где-то с огромным трудом и крикнув ей – «Наши проигрывают! Надо успеть!» – выбежал стремглав из дома.

Матч они проиграли со счетом «1:4». Единственный гол забил Валик Кривошеев, паренек из соседнего подъезда, – и то в пустые ворота, когда победители, громко вопя и радуясь, столпились у центра поля. Они со вкусом пили зеленый Тархун – его запах и ароматный вкус Витя буквально чувствовал на губах.

Проигравшая команда быстро разбежалась, а Лена с подружками медленно удалилась за школу – ее дом был где-то там, большой и новый двенадцатиэтажный небоскреб.

Витя смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом и горечь разочарования застилала, жгла его глаза. И хоть сам себе он в мыслях повторял, что это всего лишь пыль, и глаза слезятся из-за нее, в глубине души он знал, что никакая это не пыль... и так будет повторяться всякий раз, пока он не выиграет. Пока не докажет ей, что способен на большее, достоин, чтобы она взглянула в его сторону...

* * *

– Все случилось так, как вы сказали, – тихо сказал Витя в микрофон. Перед этим он трижды проверил, что мама спит и спит крепко. Он прошел мимо ее кровати, немного постоял, потом уронил на пол набор открыток с видами города – но мама никак не отреагировала. Она что-то шептала во сне, неразборчиво и быстро – Витя всегда боялся этого шепота, ему казалось, что кто-то потусторонний, какая-то злая сила в такие моменты говорит устами мамы, но сейчас ему было не до суеверий.

И все же он замер, прислушиваясь. Через минуту раздались нечеткие, как бы растворяющиеся во времени и пространстве слова: «Леша, Лешенька, уходи, уходи... опасно... все хорошо... я тут, я с тобой... не умирай... пожалуйста...»

Она вся напряглась, потом всхлипнула и как-то обмякла.

Ни жив ни мертв, Витя стоял у кровати, боясь шевельнуться.

Но мама больше не произносила ни слова.

Он прокрался в свою комнату, прикрыл дверь, подсоединил магнитофон к сети, воткнул штекер микрофона, и, включив запись, произнес настолько тихо, насколько это было возможно:

– Шаров проиграл. Остапенко пришел первым. Я был на стадионе с тетей Олей и потом посмотрел программу «Время». Но... это невозможно... как он мог пропустить соперника? – произнес Витя, чуть повысив голос с заметной обидой в тембре.

Под одеялом было жарко, пот струился с него ручьем, простыня промокла насквозь, но других способов обеспечить хоть какую-то шумоизоляцию он не придумал. Если бы сейчас в комнату зашла мама, Витя вряд ли смог бы ей объяснить, чем занимается.

Он помолчал, вслушиваясь, как крутится бобина на магнитофоне и шелестит тонкая, шоколадного цвета пленка, связывающая его с неведомым собеседником.

А что, если отец не просто так хранил эту пленку в шкафу? – подумал он. Что, если он спрятал ее в самый низ шкафа с какой-то целью? – но тут же отбросил эту мысль.

Он постарался до мельчайших подробностей вспомнить прошедший день и принялся описывать его своему визави. Витя рассказал, как решил найти спортсмена, которому грозило поражение и предупредить его. Как Шаров выслушал его, но, скорее всего, не поверил.

И как потом на трибуну поднялся какой-то странный мужчина и что-то выпрашивал у тети Оли. Будто бы ему показалось, что мальчику жарко и он должен осведомиться о его здоровье. Конечно же, по мнению Вити – это была полная ерунда. Настоящие его намерения, в этом Витя уверен – были совсем другими и будь Витя один, ему точно несдобровать. Но тетя Оля на вид довольно грозная женщина и этот мужчина в конце концов ушел.

Что ему на самом деле было нужно, Витя так и не узнал.

Зато после окончания забега услышал от маленького мужчины в сером костюме, что ставки были сорок к одному. И хотя Витя не знает, что это такое, однажды по телевизору в американском фильме про скачки говорили похожие слова.

Но на стадионе не было никаких лошадей, – недоумевал Витя.

В конце он добавил, что в следующую субботу тетя Оля хочет опять пойти на стадион и спросила его, «...кто может прыгнуть выше непобедимого Лескова?», – спросила она. «Как думаешь, есть ли такие?»

Витя не знал ответ на этот вопрос.

Сказав все это, Витя испугался, что наговорил много лишнего, но как стереть уже сказанное – не знал. На магнитофоне было несколько кнопок, назначение которых он точно знал, как например, красная кнопка записи, две кнопки перемотки и вторая слева – кнопка воспроизведения. Другие же клавиши, тумблеры, регуляторы оставались для него темным лесом.

Кнопки «Стереть» или «Удалить» среди них точно не было.

В конце своего рассказа он, чуть помедлив, добавил о проигранном матче команде соседского двора. Хотел сказать про Лену, излить горечь неведомому другу (ему почему-то казалось, что это все-таки друг), но не смог. Не смог пожаловаться. Решил, что это не по-мужски – просить помощи в таком деле.

Он справится сам.

* * *

Витя решил не спать эту ночь и во что бы то ни стало дожидаться ответа. Любого ответа. Он слабо верил, что дождется. С каждой минутой в нем крепла уверенность, что все произошедшее – лишь игра его воображения. В конце концов, у него даже не было доказательств, что кто-то ему отвечает. Новая запись стирала старую. Когда он записал свой ответ, запись голоса далекого незнакомца пропала...

Тут Витя вдруг вспомнил, что на пленке – будто бы окружая голос незнакомца, была слышна какая-то музыка, песня. И песня эта, была настолько странной, что он даже не мог в точности ее описать.

Его как молнией прошибло.

Что же там играло? Он попробовал напеть мелодию. По радио такое точно не передают, во всяком случае... Может быть... – Витя похолодел, – ему удалось поймать вражеские голоса? Голос Америки или Радио Свобода. Он, конечно, слышал, что вражеские голоса существуют, но, чтобы воочию услышать их...

Он с сомнением взглянул на серебристый прямоугольник магнитофона и отверг эту идею. Все-таки, вряд ли. Этот аппарат не может улавливать радиоволны, – подсказал ему внутренний голос. – У него даже антенны нет.

Вряд ли это могло быть старой, отцовской записью, не до конца затертой новой. Папа слушал Высоцкого, Окуджаву, а тут же...

Тогда что?

«Черный папин танк... черный папин танк»... – речитативом зашептали его губы и тотчас он увидел страшную безликую громадину, надвигающуюся прямо на него сквозь пространство и время.

* * *

Он очнулся подле письменного стола, когда на дворе начало светать. Дернувшись, Витя испуганно оглянулся – но в квартире стояла тишина. За окном уже начали перекличку птицы и розоватый рассвет пробовал на вкус мягкое полотно молочного тумана, расстилающегося над спящим городом.

Витя поморгал заспанными глазами, словно не понимая, где находится, потом зрение его сфокусировалось на магнитофоне и постепенно он вспомнил весь прошедший день, странный забег на пять тысяч метров, помехи в телевизионной трансляции, проигрыш соседскому двору и небрежный кивок Лены – все это пронеслось перед его мысленным взором быстрее молнии.

И тогда же он осознал, что наговорил на пленку много лишнего, слишком много! Чем, конечно же, навлечет беду не только на себя, но и на маму, и – вероятно лишится не только магнитофона, но и обещанных мамой коньков на Новый год.

Рука его дернулась и потянулась к бобине. Размотать и порезать на мелкие кусочки, пока никто не услышал! – пронеслась в голове мысль.

Он взял пальцами за края пластикового круга, потянул его на себя, чтобы немедленно уничтожить вещественное доказательство, но другой рукой, удерживая магнитофон, чтобы тот не упал, нажал кнопку воспроизведения.

В ту же секунду раздался голос и Витя почувствовал, как волосы на его голове встают дыбом. Он попятился задом, пока не уперся в стену и не осел на ватных ногах.

Слова, прозвучавшие сквозь шуршание и треск, были настолько далекими и странными, что он тут же покрылся мурашками с ноги до головы.

– Прежде чем ты уничтожишь пленку, просто прослушай ее до конца.

Теперь, совершенно точно, он узнал этот голос.

Его собственный голос, только повзрослевший, уставший и бесконечно одинокий.

Глава 9

2010 год

После похода к участковому, Виктор прилег, чтобы осмыслить случившееся и слегка задремал. Ему приснился сон, который постоянно снился ему в колонии.

Он находится на стадионе «Динамо», чашу которого ровно пополам делит свет и тьма. Едва различимые на противоположной стороне арены фигурки бегунов, двигаются почти синхронно, как марионетки. Станный мужчина, наклоняющийся к тете Оле так близко, словно он желает ее поцеловать... или схватить зубами за шею, и, наконец, три быстрых удара гонга, возвещающих последний перед финишем круг.

Шаров оглядывается, однако резкая тень позади мешает уловить рывок соперника, который, будто демон, возникает из тьмы и как одержимый, несется к финишу, прилагая для этого поистине нечеловеческие усилия.

Взмах флажка арбитра... Резкий свисток...

Стремительная тень заволакивает стадион. Витя встает со своего места, чувствуя, как шорты от жары прилипли к пластиковому сиденью.

Ни ветерка, ни дуновения.

Он оглядывается на тетю Олю, думая, что это ее тело отбрасывает такую густую, почти черную тень, но женщины нигде нет.

Стадион абсолютно пуст.

Ровные ряды сидений уходят влево и вправо насколько хватает глаз и от этой картины ему становится страшно.

Огромное светодиодное табло, до того момента пустое и застывшее, вдруг озаряется ярким светом.

Витя все же силится разглядеть победителя: вытягивает шею, часто моргает, будто бы тьму можно прогнать взмахом ресниц.

Невыносимая ватная тишина окружает его и как он ни старается, разглядеть победителя не удается.

* * *

Пронзительный звонок заставил его выпрыгнуть из груди.

Он резко вскочил, озираясь – чаша стадиона исчезла, вместо нее непонятно откуда взялась тесная конура – здесь не было ни белого, ни черного, ни тьмы, ни света – все выглядело одинаково серым, таким, что поначалу Виктор лишь дико вращал глазами, пытаясь понять, где находится.

Через минуту, когда сознание с трудом совместилось с реальностью, он понял, что кто-то звонит в дверь.

Виктор медленно поднялся, будто боясь расплескать еще клубившиеся в голове обрывки странного сна и вышел в прихожую.

Лязгнув замком, он поймал себя на том, что забыл посмотреть в дверной глазок.

Но кто и что у него можно украсть?

Усмехнувшись, он откашлялся, прочистив горло, и открыл дверь.

– Витя... – в темную створку просунулось худое изможденное лицо тети Оли. Она смотрела робким, виноватым взглядом и он не узнавал в ней ту прежнюю, боевую тетю Олю, которую знал. – Витенька, извини, что беспокою... у меня свет дома погас... старый утюг, зараза, давно надо было его выкинуть... Ты не посмотришь, я в этом совсем ничего не смыслю...

Виктор кивнул, сунул ноги в шлепанцы и не запирая двери, пошел за женщиной.

Извечная проблема нашего дома, – подумал он. Мама сама умела менять пробки, а он в старших классах научился делать жучки, хотя свои знания применил всего один раз, едва не спалив весь дом. Выручил все тот же почтальон, Николай Степанович.

Воскресным вечером во время стирки выбило пробки, пропал свет, а запасных, как назло, не было. Он быстро соорудил жучок, вынув сгоревшую пробку, примотав к ее концам медный провод по верху и закрутив назад. Откуда он это узнал? Все очень просто – те самые гаражи, по крышам которых он так любил лазить с пацанами. В крайнем, у самого забора ряду, где огромные кусты бересклета и калины скрывали дыру в сетке, через которую можно было попасть на территорию, практически дневал и ночевал странный мужичок, которого все звали Гром. Витя не знал как его зовут по имени отчеству и стеснялся спросить. Да это было и не нужно. Все звали его дядя Гром. Низенький и коренастый, весь в бородавках, с приплюснутым, как у жабы лицом и жиденькими волосками, выбивающимися из под засаленной кепки. Поговаривали, что на груди у него татуировка молнии точь в точь повторяет огромный шрам, похожий на молнию. Оттого и кликуха пошла. Но Витя никогда не видел этого и не хотел бы увидеть.

Отвратительный на вид, производящий самое ужасное впечатление при первой встрече, он, тем не менее, был добрым, хотя и немногословным мужиком. Он-то и показывал пацанам всякие полезные, бесполезные и даже опасные штуки при случае, приговаривая: "В жизни всякое пригодится..."

Чем он там занимался, постоянно чумазый и грязный, в своем гараже, больше похожем на берлогу, заваленном горами инструментов, мотками проводов, электрическими приборами, о назначении которых можно было только догадываться, Витя не знал, да и не задавался этим вопросом.

Мама всплеснула руками, когда в дом вернулся свет, а барабан стиральной машины снова начал вращаться.

Утром Витя ушел в школу, мама на работу и только Николай Степанович, разносивший газеты, почуял неладное. Он позвонил в дверь тете Оле и так как у нее был ключ от квартиры Крыловых (а запах гари шел именно оттуда), – благодаря всем этим довольно банальным обстоятельствам, пожар удалось предотвратить.

Виктор вошел в квартиру тети Оли со смешанным чувством. Воспоминания тут же нахлынули на него, но тех самых ощущений не было и в помине. Словно ушло что-то очень важное, близкое, уютное, родное.

Ушло навсегда.

Он потряс головой, смахивая наваждение.

– Держи, вот, – тетя Оля сунула ему в руку пробку. – Раньше я Машу просила, сама как огня боюсь электричества, – виновато сказала она.

Виктор быстро поменял пробки, щелкнул выключателем и комнату заполнил неяркий желтоватый свет.

Он обвел взглядом жилище тети Оли, в котором провел чуть ли не больше времени, чем в собственной квартире и не смог удержать вздох разочарования.

– Господи... – прошептал он.

От прежнего уюта не осталось и следа.

Продавленный диван, застеленный кое-как дырявым, полуистлевшим пледом, одним краем стоял на кирпиче, а другим на сморщенных словно от боли книгах.

Югославская стенка, гордость тети Оли, стояла на месте, но вид у нее был совершенно удручающий – некогда идеально ровная, лакированная поверхность теперь вся была испещрена какими-то вздувшимися пузырьками, похожими на волдыри и покрыта странным белесым налетом.

С люстры, которая светила одной полуслепой лампочкой, свисала тонкая нить паутины. Она медленно левитировала в воздухе, вызывая ощущение болезненной летаргии, в которую по неведомой причине оказалась погружена не только квартира, но и сама ее хозяйка.

А еще этот... запах. Витающий вокруг, въевшийся в старые обои, мебель, побелку на потолке...

Виктор прекрасно знал, что именно так пахнет.

Угасание, старость, смерть...

Тетя Оля будто не замечала перемен в ее жилище, да и в ней самой тоже.

Она чуть заметно улыбнулась и развела руками.

– Ну вот, теперь можно жить.

– Да уж, – медленно произнес Виктор. – Но...

Он решил не заканчивать свою мысль. Не спрашивать у нее, что произошло. Вместо этого, он положил руку на ее худое костлявое плечо и сказал:

– Всегда рад помочь, тетя Оля. Если что, заходите. Я пока не нашел работу, так что, сижу в основном, дома.

Она закивала и если бы раньше обязательно позвала его пить чай со свежими пахучими пирожками с картошкой, капустой и печенкой, то теперь лишь кивнула и, взяв за локоть, проводила до порога.

И только там, когда дверь за ним почти закрылась, произнесла:

– Шаров-то теперь участковый наш. Помнишь его?

Виктор вздрогнул, словно ему дали пощечину.

Он обернулся, но тетя Оля как-то странно засуетилась, слегка подтолкнула его вперед и приговаривая, что «надо еще успеть в церковь сходить, да потом в магазин молока и хлеба купить», закрыла дверь.

Совершенно ошеломленный, Виктор зашел в свою квартиру, закрыл дверь и привалился к косяку.

Что с ней случилось? Что произошло? Может быть, Николай Степанович всему виной? Несчастливая любовь даже в зрелом возрасте способна сломить и перемолоть, дать пинка, обескровить и лишь рассудка, но... на тетю Олю это не похоже.

Во чтобы то ни стало, он решил найти почтальона и узнать какие-нибудь детали.

Присев на кровать, он долго смотрел на магнитофон, прокручивая в голове послание, которое получил ночью.

Ничего из того, о чем сбивчиво, задыхаясь словно от какой-то жары, рассказал ему мальчик, он решительно не помнил. Ни единой детали – кроме самого стадиона. В этом мальчишеском голосе, периодами переходящем на шепот, он слышал свой голос, хотя, как ни силился, признаться себе в этом не мог.

Значит парень предупредил Шарова, хоть он сам и не просил его это делать. Мальчик решил помочь спортсмену, которому, оказывается, уже пророчили поражение. Но тот не воспользовался шансом, не поверил мальчишке, неожиданно появившемуся в раздевалке перед стартом.

Но выигрывал ли Шаров вообще эту гонку?

Виктора словно током ударило. Он бросился к шкафу, сорвал приклеенный скотчем календарь и перевернул страницу с надписью: «Сентябрь 1984».

На обороте вкратце перечислялись спортивные события месяца.

Потом он посмотрел на последнюю страницу, где были напечатаны выходные данные.

«Подписано в печать 4.01.1984» – гласила надпись.

Впереди весь год и ничего не предопределено, – подумал Виктор.

Все это время, однако, он был уверен, что Шаров победил в том соревновании, несмотря на то, что все справочники говорили обратное.

БОЛЕЕ ТОГО, ОН ВИДЕЛ ЭТО СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ.

Видел, как Шаров пересекал финишную черту и в глазах спортсмена светилась радость победы. Когда же это случилось? Или, быть может, это – лишь воображение и игры разума?

Виктор нащупал в кармане телефон, открыл YouTube и ввел в строку поиска «Чемпионат СССР по бегу на 5000 метров сентябрь 1984».

Телефон на мгновение задумался, потом выдал гору результатов. Виктор поначалу обрадовался – теперь уж точно можно будет посмотреть, что же там случилось. Но по мере того, как он просматривал результаты, открывая ролики один за одним, стало ясно – все это не то.

Более того, выходило так, что довольно серьезное состязание никто не снимал. Или снимал, но не выложил в сеть.

– Быть не может, – пробормотал Виктор, открывая сотый ролик. – Чтобы уж совсем ничего не было!

И это казалось очень странным. Даже менее значительные соревнования того года присутствовали в огромном разнообразии.

– Странно... – в раздумьях, он зашел на кухню, заварил себе кофе в кружке, и, пока напиток настаивался, план вызревал в его голове.

Выходит... возможно, своими действиями, он как-то изменил, повлиял на те события, или же, наоборот, заstopорил их, не дал пойти по тому руслу, по какому они должны были течь.

Но ведь... в таком случае, если оно работает... – холодный пот мгновенно покрыл его лоб, а по спине побежали мурашки. – Я могу изменить... ВСЕ.

Он отпил кофе, но вкуса не почувствовал – только кофейные крошки, как мелкий песок, заскрипели на зубах.

Мне нужно... нужно найти запись того соревнования. А еще... спросить Николая Степановича, что случилось с тетей Олей. Если, конечно, он жив.

Составив кое-какой план, он почувствовал себя лучше. Если все так, как он думает, у него руках оказался самый невероятный инструмент... самая крутая штуковина, какую только можно себе придумать. Это... это почти как машина времени, подумал он, механически окуная сухарик в кофе.

Единственное, что беспокоило, это отсутствие средств. Заработанные за семь лет труда в колонии копейки исчезнут через неделю и нужно было думать о работе...

Или...

У меня ведь в руках... почти... машина времени, – снова подумал он. – Разве нельзя попробовать... только попробовать... один разок...

У него затряслись руки и потребовалось довольно продолжительное время и почти двадцать полных вдохов и выдохов, пока он пришел в себя и успокоился.

Но на чем можно заработать в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году? Что может сделать шестиклассник в одиночку? С виду простой вопрос – купить акции Microsoft или Apple, на деле же в СССР был неосуществим.

– Ладно, – сказал он вслух и накинул куртку, – это пока не горит, хотя и поджигает. – А вот найти запись соревнований... чтобы посмотреть, как на самом деле все происходило... нужно как можно быстрее. Это может быть ключом ко всему. Где же она может быть...

Он вышел из квартиры, запер дверь и, прислушиваясь к тишине в подъезде, спустился вниз.

Двор старого дома после долгого отсутствия почти не изменился. Он увидел, как дворник подметает улицу и поспешил к нему. Это был молодой таджик, с чрезвычайно сосредоточенным лицом усердно разгоняющий пыль по тротуару.

– Друг, – окликнул его Виктор.

Дворник взмахнул метлой и замер, потом медленно повернулся.

– Скажи, ты случайно не знаешь... почтальон тут старенький... Николай Степанович зовут. Есть такой? Может видел?

Таджик свел густые брови, посмотрел на пустой скворечник и покачал головой.

– Э... слушай, только рекламу и разносят, какой такой почтальон? Хватит мне и этой грязи! – он ткнул метлой в кипу пестрых прямоугольников с огромными буквами «ЗАЙМЫ», «СНИМУ», «ДЕНЬГИ БЫСТРО», «МИКРОКРЕДИТ ЗА ПЯТЬ МИНУТ», «ПОДТЯЖКА БОТОКС НА ДОМУ» и тому подобное.

– Газеты, журналы раньше разносил.

Таджик пожал плечами.

– Газеты? Кто теперь читает эти газеты?

Виктор кивнул.

– Это да. Ладно, спасибо.

Он направился в сторону метро, но окрик дворника заставил его обернуться.

– Слушай...

Виктор напрягся.

– А ты из какого дома?

– Девятый. Дом девять.

Таджик опустил метлу и заснул руки в карманы грязных джинсов, откуда вытащил сложенную вчетверо потрепанную бумажку, развернул, мельком глянул на нее и спросил:

– Тебя что ли как зовут?

– Виктор.

– А фамилия?

– Крылов.

На лице таджика появилось неподдельное удивление, непроизвольно он сделал несколько шагов назад, потом остановился и изменившимся голосом сказал:

– Пару лет назад, когда приехал, здесь работал мой дядя Калим. Потом он заболел и уехал на родину, а я вот на его месте. – Парень оглянулся, будто чего-то опасаясь и продолжил: – Дядя передал мне, что лет десять тому назад к нему подошел какой-то мужик и сказал, что его может спрашивать парень по имени Виктор из девятого дома. Он хорошо заплатил моему дяде и отдал записку, – он показал ту самую бумажку, которая выглядела очень-очень ветхой. Дядя не дождался того парня и передал бумажку мне. Я, конечно, посмеялся над ним, но на всякий случай, брал эту записку с собой каждый раз, как выходил на работу.

Дядя умер два месяца назад, перед этим мы говорили с ним по телефону. Он спрашивал, приходил ли тот человек.

Виктор почувствовал, что ему не хватает воздуха. Сердце стучало, как дикий паровой молот.

– Возьмите, это для вас, – таджик протянул бумажный сверток. – Кажется, теперь я буду спать спокойно, потому что выполнил дядино поручение.

Дрожащей рукой Виктор взял протянутый листок и, не раскрывая, положил его в карман куртки.

– Как тебя зовут, друг? – спросил он дворника звенящим от волнения голосом.

– Меня? Меня зовут Фархад. Это значит – надежный, – с гордостью сказал парень.

Виктор похлопал себя по карманам, но вспомнив, что вряд ли сможет отблагодарить честного человека, сконфузился.

– Извини... я только... только...

Фархад улыбнулся и развел руками.

– Ничего не надо, друг. За все заплачено давным-давно.

Они пожали друг другу руки, и Виктор быстро пошел прочь, ощущая, что события, в центре которых он оказался, приобретают все более и более загадочный характер.

Быстрым шагом он двинулся по направлению к метро, чтобы съездить в Останкино и на месте попытаться выяснить, существует ли запись забега тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года и на заметил, как в двадцати метрах позади, не обращая внимания на периодические гудки спешащих автомобилистов, медленно катит серая иномарка с тонированными стеклами.

Он прошел под своими окнами, глянул на них и ему померещилось, будто какая-то тень промелькнула за занавеской и тут же скрылась.

У книжного, теперь вино-водочного магазина дрались два алконавта, один отбирал бутылку вина у другого. Все это сопровождалось пьяными восклицаниями и руганью.

Неожиданно они разошлись и один из них развел руки. Зеленая бутылка выскользнула из кисти и взорвалась под ногами тысячью мелких осколков, залив все вокруг дурманящей жидкостью.

– Вии-тька! – закричал алкаш и с распростертыми объятиями пошел прямо на него. Второй мужик расширившимися от ужаса глазами таращился на расплзающуюся, как черная раковая опухоль, лужу.

Виктор замер, оценивая обстановку.

Кто это?!

Алкаш тем временем подошел почти вплотную и кинулся обниматься. От него разило душным перегаром, но Виктор не стал уклоняться.

– Братан! Ты вышел! – мужчина чуть отстранился, покачал головой и сказал грубым, пропитым голосом. – Да ты меня не узнаешь, Витек! Это же я, Ленья! А вон тот прощельга... – он повернулся в сторону маленького мужичка, застывшего, словно в анабиозе возле лужи вина. – А это?! Ну же!

Виктор покачал головой.

Мужчина грубо рассмеялся.

– Самолетики помнишь? Это же Шкет! Да, брат, такова селява!

– Ленья? Это ты? – Шкета он узнал сразу, но...

Ленья засмеялся снова.

– Ну вот, вспомнил, слава Богу! Ну давай, пойдем, за встречу! А то... – он оглянулся, видишь, как нехорошо получилось!

Шкет практически опустился на колени и чуть ли не плакал, глядя на лужу.

Виктор дернулся, пытаясь высвободиться, но не тут-то было. Ленья держал его меткой хваткой.

– Идем, идем, вспомним нашу жисть-жестянку...

– Как же это тебя... – спросил Виктор, глядя на пропитое лицо бывшего отличника и любимца всей школы.

На мгновение Ленино лицо стало жестким, в глазах полыхнули молнии, но он практически тут же обмяк и спросил:

– А тебя?

Виктор не нашелся, что ответить.

Они подняли Шкета с колен и вместе вошли в магазин, в котором раньше Витя проводил почти все свободное время. Только вместо шелеста страниц, теперь тут раздавался веселый звон бутылок.

Дверь за ними закрылась, и Виктор не увидел, как в некотором отдалении, не доезжая входа остановилась та самая серая иномарка.

Остановилась, заглушила мотор и замерла в ожидании.

Глава 10

1984 год

В понедельник Витя торжественно разменял свой рубль и купил два пирожных «Корзиночка», которые попросил положить в аккуратную картонную коробочку без надписей. Невзрачная, но для него тем более ценная.

Улучив момент во время завтрака, когда Лена осталась на мгновение одна – подружки уже закончили и понесли посуду к мойке, Витя подсел к ней и несмело, дрожащей рукой двинул коробочку.

Лена удивленно вскинула голову, ее длинные светлые волосы перелетели с одного плеча на другое и у Вити перехватило дыхание.

Этот ее жест, запах, движение воздуха, которое возникает, когда она так делает... Он почувствовал ком в горле и какое-то странное чувство близости к чему-то божественному, совершенному.

– Что это, Крылов?! – удивленно спросила Лена. Наученная горьким опытом, она не спешила открывать непонятные послания, посылочки и тому подобное. Там мог быть и дохлый майский жук, и еще какая-нибудь гадость.

– Это тебе... – тихо ответил Витя, оглядываясь по сторонам. Если сейчас придут подружки, они, конечно, его засмеют.

Он с надеждой посмотрел на ее недопитый чай.

– Открой...

Лена неуверенно протянула руку к коробочке.

– А если... – вырвалось у нее. – Любопытство и страх боролись в ней. Милое личико терзали сомнения, но глаза горели ожиданием чуда.

Тут время и вовсе встало.

Витя видел, как замерли, точно замерзли, бросавшие на них короткие покровительственные взгляды ученики старших классов, как школьный повар – тетя Зоя – задержала тусклую поварешку над огромным чаном с борщом, откуда валил густой ароматный пар, как противоположной стороне столовой открылась дверь в кладовую и оттуда высунулось удивленное лицо рабочего в белом халате – брови его почти сомкнулись, а губы растянулись буквой «О», как позади, возле ленты транспортера, куда нужно было ставить грязную посуду, раздался хрустальный мелодичный звон сотен осколков – раздался и повис, замерев на одной ноте в этой светлой, оживленной, наполненной детскими голосами, шумом ложек, вилок и тарелок школьной столовой, сквозь большие окна которой наискось падали последние теплые лучи сентябрьского солнца.

Этот момент навсегда врезался ему в память – до того он был необычным. Вите показалось, что время и правда остановилось.

Лена двинула коробочку к себе и открыла ее. Лицо ее тут же преобразилось, посветлело. Она улыбнулась – и пионерский галстук на ее шее как-то расправился, стал еще более алым, радостным. Ведь на самом деле у обычного советского школьника, да и не только школьника, в понедельник не так уж много радостей. А если вспомнить, что впереди было еще три сложных урока – литра, физика и геометрия, так и вовсе выходило, что поводы для радости отсутствовали.

А свежая корзиночка на завтрак могла стать настоящим поводом для счастья.

– Это... это все мне? – пролепетала она.

– Ага, – кивнул Витя. – Тебе.

Рефлекторно она привстала, поддерживая юбочку, нагнулась к нему и чмокнула в щеку.

Витя вспыхнул, внутри его все задрожало. Он инстинктивно приложил руку к месту поцелуя, словно это была легкая весенняя бабочка, боясь что сейчас она взмахнет крыльями улетит, растает в светлой дымке школьной столовой.

Лена не стала дожидаться его реакции, она взяла коробочку, прижала ее к груди и понеслась туда, где вновь зазвенели веселые голоса и смех и ругань кухарки бабы Светы, которой теперь надлежало убирать разлетевшийся вдребезги по всему полу стакан.

Время вновь пошло своим чередом, а Витя так и сидел, подперев голову рукой, пока не раздался звонок, возвещающий окончание длинной перемены.

* * *

Поймали его за гаражами, между грязной, залитой вонючим черным маслом эстакадой и заброшенным колодцем, куда, по городской легенде, неуловимый маньяк по кличке «Моцарт» сбрасывал зазевавшихся или поздно загулявших детишек. Не брезговал он и взрослыми, чаще девушками, студентками и старшеклассницами и все они исчезали навсегда и безвозвратно.

Витя не знал, откуда взялась эта легенда, однако про Моцарта в их районе слышали все, и он стал, если можно так выразиться, частью городского ландшафта, точнее его окраины.

Били втроем, заправлял Шкет, а с ним двое незнакомых парней – на год или два старше. – Я говорил тебе к ней не подходить? – пробасил Шкет. – Но ты не понял.

Последовал короткий удар под дых, Витя его не ожидал и согнулся в три погибели. В глазах поплыло, больше от обиды, чем от боли. Потом тумачи понеслись градом, он успел закрыть локтями лицо, но не упал. Он слышал, что стоять нужно во чтобы то ни стало.

Потом Витя улучил момент и между ударами, собрав всю волю и ярость в кулак, выкатил прямой правый прямо Шкету в глаз. Так получилось. Поскуливая, тот осел как срубленная молоденькая березка.

Но силы были явно неравны.

– Еще раз подойдешь к ней, будем бить по-настоящему, – сказал крупный, похожий на карпа, с выпученными глазами и толстыми губами парень. Его лицо было усыпано огромными мерзкими, местами лопнувшими прыщами. Черная куртка металлиста с заклепками позвякивала не застегнутой пряжкой.

Второй – высокий, нескладный как жердь, вытащил из кармана кастет.

– Видишь это?

Вытирая кровь, капающую с носа, Витя кивнул.

– Последнее предупреждение. Если не дойдет, нырнешь к Моцарту. Усек?

Двое старшеклассников схватили его за ноги, подняли и поднесли к колодцу, черный зев которого открылся прямо перед ним во всей своей ужасающей явности.

Дна не было видно, лишь ржавые петли, наполовину обломанные – спускались вниз и исчезали в вонючем чреве.

Шкет встал по другую сторону колодца, а двое пацанов опустили его прямо внутрь.

От ужаса Витя закрыл глаза. Если они сейчас отпустят... не дай бог, соскочат руки... он боялся даже не то, что разобьется, боялся ни боли, ни унижения – насчет этого, как это ни парадоксально, он был спокоен, потому что вряд ли кто мог увидеть все это – слишком уж безлюдное место тут было.

Боялся он панически того, что может открыться там, на дне колодца. Если оно, это дно, вообще существует.

Конечно же, существует, – подумал он, глядя в зияющий зев, отдающий смрадом и затхлостью. И вряд ли даже милиция отважилась туда спускаться.

Шкет нырнул лицом в колодец. Витя открыл глаза и увидел перед собой расквашенный глаз одноклассника.

Ему вдруг стало смешно, потому что видел он Шкета в перевернутом виде и ничего смешнее до тех пор ему видеть не приходилось.

Витя засмеялся и колодец ответил ему странным, лающим эхом.

Шкет отшатнулся, едва не оступившись и не соскользнув в пропасть.

Грязно выругавшись, он снова подошел к краю колодца, предусмотрительно схватился за стойку и потряс кулакам перед Витькиным лицом.

– Ты понял?! Еще раз увижу тебя с ней!

– А что, один на один зассал? – вырвалось у Вити сквозь смех. Он прекрасно понимал, что сейчас не самое время смеяться, но жалкая физиономия Шкета, сиящегося выглядеть наглым и уверенным в себе бандитом, вызывала лишь такую эмоцию.

Шкет не успел ответить.

Сильным рывком Витю выдернули из колодца и бросили возле кустов бузины, обступающих заброшенный пятачок со всех сторон.

– Шухер, пацаны! Кто-то идет!

Витя услышал топот ног. Через секунду все стихло.

Чьи-то сильные руки подняли его с земли, поставили на ноги, стряхнули пыль с одежды.

Знакомый голос задумчиво произнес:

– Та-ак... Ну что сказать, жить будешь. До свадьбы заживет.

Витя открыл глаза и увидел перед собой Грома, того самого мужика из гаражного массива, который научил его делать жучки. И не только жучки.

– Идем, вытрешь лицо, придешь в себя, – сказал Гром и Витя послушно заковылял за ним.

* * *

– Почему «Моцарт»? – вытирая предложенным полотенцем кровь с лица, спросил Витя у мужчины, стесняясь назвать того просто Громом и находя обращение «дядя Гром» слишком уж близким, фамильярным. Приходилось выкручиваться и называть брутального мужика окольными путями, без упоминания его клички-имени.

– Э... – сказал Гром. Они находились одни в гараже, Витя сидел на кривой, очень массивной табуретке, деревянная сидуха которого была жесткой и неудобной. – Он реально существует. Я его видел.

– Вы... – Витя затаил дыхание и даже перестал смотреть на череп с пустыми глазницами, стоящий на самой верхней полке металлического шкафа со стеклянными дверцами. Шкаф был забит инструментами, деталями, книгами и всякой всячиной.

Откуда он взял этот череп? Уж не сам ли он убил его обладателя? – все эти вопросы всплывали в голове мальчика, но, что странно, – страха перед мужиком у него не было и, возможно, зря. Однако, Витя думал, что здесь многие его знают и даже сторож на входе и дворник здоровались с ним и не выказывали особого беспокойства. Правда, и особой приязни не испытывали, факт.

Гром держался особняком и про него было известно очень мало. Точнее, вообще ничего.

– ...видели его?! – воскликнул Витя, забыв про череп.

Гром кивнул, не поворачиваясь. Он что-то закручивал в массивные тиски и под засаленной майкой играли приличные мускулы. Руки у него и впрямь были как у борца или рабочего какого-нибудь литейного цеха – мощные, огромные и непременно грязные.

– Знаешь, почему Моцарт? Потому что перед смертью его жертвы слышат сороковую симфонию, аллегро...

У Вити перехватило дыхание. Откуда он это знает? Откуда?! Если убийца не пойман, а жертвы не найдены. По крайней мере, целиком. Такие, во всяком случае, ходили слухи, хотя открыто, разумеется, об этом никто не говорил, газеты не писали, а по телевидению и вовсе такое было запрещено показывать...

Он сидел у ворот – ни жив ни мертв и чувствовал, что вот-вот не сдержится и от страха сходит по-маленькому. Как назло, почему-то никого рядом больше не было, хотя обычно у Грома ошивалась куча пацанов из окрестных районов.

Гром оглянулся, покачал головой:

– Знаешь, что самое страшное? Что двух невинных человек уже осудили к высшей мере вместо него. Одного уже расстреляли, другой ждет исполнения приговора.

Витя держался из последних сил. Он свел колени вместе и обхватил их руками.

– Видишь вон ту трубу? – Гром чуть нагнувшись из темноты гаража показал на ржавую и довольно высокую трубу заброшенной котельной, расположившейся через лесок от гаражного массива. – Дело было рано, не знаю, может часов пять утра. Я шел как раз сюда, к себе в гараж, чтобы... – Гром осекся, помолчал мгновение и продолжил: – чтобы кое-что сделать. Проходя мимо... если ты там был...

Витя кивнул, конечно он там был, кто же из пацанов не был на заброшенной котельной, – подумал он.

– В общем, я услышал... это была даже не музыка, скорее еле уловимый звук... будто принесенный ветром со стороны новостроек на западе, знаешь там новые девятиэтажки Промышлова, нашего градоначальника... но... было слишком рано для музыки. Обычно я хожу быстро и не обращаю внимания на посторонние вещи... – тут Гром взял в руки ножовку и начал что-то очень аккуратно пилить на сверкающей, точно золото, заготовке: «Вжи-вжи, вжи-вжи...».

Невероятным усилием Витя заставил себя усидеть на табуретке. Лицо его приняло совершенно мученический вид.

– Я понял, что звук идет из котельной... решил перелезть через забор, но сделал это как-то не слишком удачно, задел штаниной торчащую проволоку, поцарапался, и пока спрыгнул, звук исчез. На всякий случай я все же решил заглянуть туда.

Гром повернулся и пристально посмотрел на Витю.

Тот выпрямился и замер.

– Да... – сказал Гром. – Дверь оказалась чем-то подпертой, пока я возился с ней, прошло время. И, когда мне все же удалось открыть ее, я увидел... стул, а на нем старый патефон. Заряд его еще не кончился, пластинка вращалась, но мелодия уже не играла. Как раз вот этот табурет, на котором ты сидишь.

Витя глянул под себя и подскочил, словно сидел на расплавленной сковородке.

Не чуя под собой ног, он бросился за гаражи и с протяжным вздохом, чувствуя, как дрожат ноги, облил зеленые кирпичи горячей струей.

В гараже раздался сильный удар молотка, потом еще один и Витя подпрыгнул еще раз. Нервы были на пределе.

Гром как ни в чем ни бывало, продолжал:

– Я глянул в окошко – там их два всего, если ты помнишь, и увидел, как очень быстро от котельной удаляется мужчина в плаще грибника и темной шапке. За спиной у него было довольно объемный мешок, – донесся до Вити голос Грома. – Я бросился за ним, но пока выбирался, он успел уйти. Скорее всего, у него где-то была спрятана машина.

Витя вновь появился в гаражном проеме и Гром кивком указал на патефон, стоящий в глубине на коробке из-под телевизора.

– Аллегро. Симфония номер сорок. Хочешь поставлю?

Витя замотал головой.

Ему хотелось поскорее уйти отсюда и никогда больше не приходить, хотя он прекрасно знал, что все равно придет.

– Я тоже ни разу его больше не включал. Все жду...

Витя попятился. Он посмотрел на табуретку, на которой только что сидел и невольно спросил:

– Чего? Чего вы ждете?

– Его, – ответил Гром. – Я жду его, – и он вновь обратился к своей детали.

– Откуда же вы знаете, что это... он?

Хотя даже без единого доказательства Витя верил каждому сказанному мужчиной слову.

– Ты, наверное, не знаешь, это как раз первая смена была, а ты учишься в первую...

Витя кивнул.

– Ну вот... приехала опергруппа и там все перерыли, нашли следы от легковой машины, вроде бы Москвич-412, нашли следы крови, а потом... – он испытующе глянул на мальчика, который от побелел от страха, – а потом ничего. Они уехали.

Из многочисленных фильмов про Петровку-38 Витя конечно же знал, что этот граммофон, или патефон являются вещественными доказательствами, а Гром, получается, утаил их от следствия. Разве так можно? – подумал он и взглянул на мужчину.

Тот понял, о чем думает мальчик.

– Я понимаю, отпечатки и все такое... я их искал, но ничего. Пусто. Они уже много лет не могут его поймать. И вряд ли поймают.

– Значит вы... – Витю пронзила ужасная догадка, которую он не смог озвучить вслух, настолько она была страшной. – Вы...

– Жду, пока он придет за своими вещами.

Гром углубился в распил, всем видом показывая, что аудиенция закончена. Как он не боится, что я все расскажу милиции? – подумал Витя, сделал шаг назад, потом еще один и уже через секунду он мчался домой, подгоняемый страхом и чувством, что ему доверили нечто очень важное и что теперь он тоже своего рода соучастник.

Потом он подумал о тех невиновных, которые осуждены, кого-то уже расстреляли, и, возможно, сегодня или завтра другого невинного человека тоже... – ему вдруг стало так жутко страшно, что он на мгновение потерял ориентацию. В глазах потемнело, он споткнулся, и, вытянув руки, полетел вперед.

* * *

– Эй, эй... что с тобой?! – мужской голос, раздавшийся возле уха, заставил его вскрикнуть. Витя начал вырываться, брыкаться, и когда перед собой увидел лицо Николая Степановича, не сразу узнал его. Сумка с газетами выпала у почтальона из рук – но зато он поймал Витю, несущегося к своему подъезду, не разбирая дороги. – Да что случилось, то, Витя?!

– Я должен... срочно... кое-что... передать... – мальчик осекся, дернулся, но Николай Степанович не отпустил его.

Расширившимися от ужаса глазами Витя увидел мешок с газетами перед собой, плащ цвета хаки, который так любил надевать почтальон из-за его практичности и водонепроницаемых свойств, увидел темную шляпу... и вовсе обмер.

– Пустите! Пустите меня! – закричал Витя фальцетом и Николай Степанович, разжал кисть, выпуская мальчика.

– Господи, – прошептал он. – Да что с тобой такое? – он посмотрел в направлении балкона тети Оли, но дверь была закрыта, а свет в квартире не горел. Окна квартиры Крыловых выходили на другую сторону.

Когда Витькины пятки скрылись в подъезде, Николай Степанович опустил голову, искал взглядом сумку, взвалил ее на плечо и поплелся дальше. С каждым днем, проходя мимо балкона тети Оли и не встречая ее ласкового, поощрительного взгляда, его накрывал все более плотный сумрак, ему казалось – жизнь потеряла смысл и больше не обретет его никогда.

Он запихивал проклятые газеты и журналы с улыбающимися лицами работниц, колхозников и тружеников в почтовые ящики, часто они не лезли, и он силой проталкивал их вглубь, тонкая бумага с треском рвалась, а с его лица катились слезы. Он не замечал их и только на цветастых глянцевых обложках оставались темные выпуклые отметины, про которые читатели, удобно устроившись в своих креслах перед телевизором думали, что это всего лишь обычные дождевые капли.

Глава 11

2010 год

– Я не могу, – попытался сказать Виктор, но быстро понял, что ничего не получится. Его подхватили под руки и буквально вынесли из вино-водочного магазина, провели по улице через дорогу сквозь ветхую арку сталинского дома, на стене которого виднелась надпись, нарисованная куском черной смолы лет двадцать назад: «Зачем ты здесь?». Надпись постоянно закрашивали, но кто-то с таким же завидным постоянством ее восстанавливал.

И каждый раз, проходя по этой арке, Виктор волей-неволей задавал себе этот вопрос и каждый раз ответ на него был разным.

В третьем справа от арки подъезде и жил когда-то Шкет, заклятый враг в школьные годы.

Шкет, перевернув бейсболку задом наперед, набрал код, ругнулся на кипу только что расклеенных объявлений одинаково содержания и одним махом сорвал их все, бросив под ноги.

– В наше время такого не было! – рявкнул он, втапывая шелестящий бумажный ковер в пыль.

– Чего грязнишь, – отозвался Ленья. – Теперь кто убирать будет? По всему двору разнесет!

– А тебе не пофиг?

Подъезд дома, несмотря на довольно убогое состояние, старую краску на стенах, тусклый свет, обшарпанный вид почтовых ящиков, до сих умудрился сохранить величественный и монументальный вид, свойственный всем сталинкам.

Когда дверь закрылась и они, воспользовавшись старым лифтом с раздвижными дверями, поднялись на седьмой, последний этаж, чуть поодаль от подъезда остановилась все та же тонированная иномарка марки серого цвета.

Через лобовое стекло можно было увидеть и водителя – плотного мужчину с резкими чертами лица. Он откинулся на спинку, потом немного задумался и отодвинул сиденье назад, а спинку чуть опустил. Мужчина открыл окно, закурил, потом включил радио.

Передавали последние известия.

Криминал. Впрочем, это была его любимая часть. Он даже сделал немного погромче.

Диктор с придыханием сообщила, что при получении крупной суммы денег задержан очередной взяточник. По месту его жительства оперативники обнаружили скрытый тайник с наличными, превышающими в сумме бюджет небольшого российского города.

Тут дикторша и вовсе осипла. С трудом она продолжила.

– Благодаря слаженным действиям сотрудников Московского уголовного розыска, оперативников ФСБ и бойцов СОБР был задержан один из самых разыскиваемых преступников в России по кличке «Моцарт». На его счету более 50 убийств и покушений. Его называют самым страшным серийным убийцей, которого пытались найти более четверти века.

Мужчина подался вперед и замер.

Пепел сигареты обвалился ему на штаны, и он тихо выругался, выкрутив рукоятку приемника на полную, но новость на этом была исчерпана.

– Вот же черт! – сказал он.

– А теперь о погоде, – сообщила дикторша.

Мужчина взял сигарету другой рукой, правой выключил радио.

Докурил ароматный «Кент», дрожащими пальцами затушил бычок в пепельнице. Едва уловимый дымок выпорхнул из окна машины и, постепенно тая, понесся ввысь.

Он ждал.

* * *

– Мужики, у меня важное дело! – Виктор снова попытался отделаться от внезапной встречи и ее намечающегося продолжения, но его никто не слушал. Впрочем, сопротивлялся он не так чтобы сильно.

Одиночество в пустой квартире, без друзей, знакомых, а те что были – давно отвернулись – он был рад услышать хоть чей-то голос. Двое неказистых алкоголиков хоть и числились старыми врагами, но, являлись, считай, почти родными людьми. Все же десять лет вместе... правда Шкет после восьмого класса ушел в ПТУ...

Виктор рассматривал квартиру своего недруга. Хорошая квартира, в сталинском доме... запущенная конечно, но это не самое главное. Он не планировал долгой встречи, но ему было интересно узнать, что произошло за эти годы, кто и где обосновался и, может быть... услышать что-нибудь про Лену. Хотя и боялся этого.

– Ладно, что устались друг на друга! Давайте за встречу, – скомандовал Шкет на правах хозяина.

Они быстро выпили, закусили солеными грибами, твердым салом и черствым как кирпич, черным хлебом. Потом сразу по второй.

Шкет включил радио.

– Что это мы в тишине сидим... – сказал он, будто извиняясь.

Старая радиоточка затрещала, зафонила с остервенением, но буквально через секунду в комнату полился молодой женский голос, от которого в затхлом помещении вроде даже немного посвежело.

– ...по кличке «Моцарт». На его счету более 30 убийств и покушений. Его называют самым страшным серийным убийцей, которого пытались найти более четверти века.

Виктор, державший стопку у рта, замер.

Остановился и Шкет. Он обернулся и уставился на радио, висевшее в углу, рядом с разделочной доской, испещренной глубокими ножевыми порезами.

Леня издал нечленораздельный звук и глаза его округлились.

– Сделай... погромче... – Виктор привстал, но Шкету не нужно было повторять дважды. Он на цыпочках подошел к радиоточке и выкрутил звук на максимум.

– А теперь о погоде, – сообщило радио.

Шкет повернул ручку и в комнате стало тихо.

Виктор опустил рюмку на стол.

– Вот это да... – сказал он. – Я должен... его увидеть.

– Ты должен? – тихо спросил Леня. – Мы все должны. Мы все.

– Сколько лет прошло? – Шкет подошел к столу и медленно сел на табуретку. Руки у него заметно дрожали.

Никто ему не ответил.

– А ты помнишь колодец? – спросил Виктор. – Куда вы меня... Вас еще Гром спугнул.

Шкет налил в рюмку водки и не говоря ни слова, выпил.

– Я был такой малой... такой глупый... Ты уж зла не держи.

Виктор покачал головой.

– Кто старое помянет...

– Этот упырь с нашей школы двух девчонок утащил, – сказал Леня.

– И училку музыки еще, – добавил Шкет. – Но это, кажется, случилось, когда ты уже срок мотал.

Виктор взял рюмку, выпил, не закусывая и решился. Всю неделю он ходил сам не свой, поглядывая на телефон.

– А что с Ленкой-то? – спросил он небрежно. – Я... вроде видел ее на лавке с каким-то парнем... в первый день, когда приехал.

Друзья переглянулись. Леня как-то замялся, а Шкет отвел взгляд.

– Этого не может быть, – сказал Леня сиплым голосом. – Ты не мог ее видеть.

– Как это? – не понял Виктор. – На скамейке возле круглосуточного магазина с банкой «Охоты»... – он помолчал, пожал плечами и продолжил уверенно: – А кто же это был? Она, только... очень толстая какая-то и... ну, в общем...

– Угу... никакая она не толстая, – промямлил Шкет. – Когда я ее последний раз видел, она была как тростинка. Тонкая, того и гляди ветром сдует...

– Последний раз? – Виктора вдруг словно током шарахнуло. – Что ты имеешь ввиду, последний раз?! Это когда?

Шкет и Леня одновременно посмотрели друг на друга, потом Шкет дрожащей рукой налил полную рюмку. Горлышко бутылки дрожало.

– Она... в общем... ты сядь, хорошо?

Виктор только теперь заметил, что вскочил с табуретки и принялся мерить шагами огромную кухню – от окна к двери и назад – всего метров восемь или даже десять. Доходя до окна, он автоматически откидывал давно не стиранную занавеску, отчего светлая пыль с ускорением взлетала к потолку, смотрел пару мгновений на вымерший двор, заваленную старой разбитой мебелью мусорку, припаркованные вдоль обочин автомобили – затем опускал занавеску и шел назад.

Услышав голос Шкета, он остановился и невидящим взглядом уставился на репродукцию картины Васнецова «Три богатыря», расположившуюся над угловым диваном.

«Три богатыря, – подумал он. – Интересно, кто я из них? Наверное, Илья Муромец... Шкет – Алеша Попович, это понятно, ну и Добрыня – Леня Архангельский, тут к бабке не ходи». Он улыбнулся собственным мыслям. Странно, что делает время с людьми и их отношениями. Вчерашние закадычные друзья становятся непримиримыми, злейшими врагами, а враги – друзьями, товарищами. Все это происходит так естественно, будто подобное положение вещей заложено в самой природе. Потому-то, подумал он, случаи длительной, ничем не омраченной дружбы, пронесенной сквозь года и неурядицы, так редки и воспринимаются, скорее, как нонсенс.

Но герои-то на картине – мифические, не настоящие, – вспомнил Виктор урок Галины Самуиловны. Бессменная классная руководительница, учительница русского языка и литературы любила растолковывать им, балбесам, тайные смыслы различных литературных произведений и картин, а после они всем классом устраивали жаркие споры и обсуждения.

При этом половина класса пыталась опровергнуть учительницу, а вторая наоборот – подержать.

Он вспомнил, что на самом деле Илью Муромца, точнее, прототипа его персонажа на картине звали смешным именем Чоботок – когда Галина Самуиловна рассказала про это, класс взвился от смеха. Никому не хотелось быть Чоботком, зато многие хотели быть Муромцами. Потрясло то, что, по словам учительницы и жили все эти богатыри в разное время – когда Илья Муромцу было столько лет, каким он изображен на картине, Добрыня был уже глубоким стариком, а Алеша Попович – мальчиком.

Виктор всегда оказывался по разные стороны со Шкетом и Леней – хотя этих двоих никак нельзя было назвать одного поля ягодой: один – типичный хулиган с довольно низким рвением к учебе, едва балансирующий на грани вылета из школы, второй же – почти гений, лучший ученик, едкий и циничный, смотрящий на всех окружающих свысока. Он даже учителей ни во что не ставил, считая их неудачниками, застрявшими в самом низу социальной лестницы.

«Жизнь – хороший учитель и великий уравниватель», – подумал Виктор, прежде чем опуститься на табуретку перед репродукций.

– Ну... – протянул он, всматриваясь в обветренное лицо Шкета и пытаясь угадать, к чему тот клонит. Судя по всему, ничего хорошего ожидать не приходилось.

Что может быть? – думал он. Она беременна? Пьет, курит? Наркоманка? – что же в этом страшного? Ничего особенного, по нынешним меркам – все они уже давно взрослые люди и пора расстаться со многими детскими иллюзиями.

– Эх, Лена, Лена... ты ведь тоже ее любил... – сказал вдруг Виктор, глядя Шкету в глаза.

Тот было открыл рот, чтобы сообщить известие, но так и застыл, подобно засохшей рыбе на ниточке – рот буквой «О», вытаращенные, удивленные глаза...

Поймал с поличным, – подумал Виктор. Хотя какая это новость? Ни для кого не было особым секретом и только они сами, школьники, почему-то верили, что никто ничего не знает об их отношениях и любовных переживаниях.

– ...д-да, – сказал Шкет, – да, – он снова выпил и рюмка кляцнула о сломанные передние зубы. – Но куда мне до тебя. Она говорила только о тебе. И никакие колодцы, никакие угрозы не действовали. Ни на тебя, ни...

Виктор вскинул голову.

– Вы и ее прессовали?

Шкет виновато пожал плечами.

– Я сходил с ума. Ты должен меня понять. Я делал...

– Ничего я тебе не должен, – отрезал Виктор. – Но я тебя понимаю.

Он действительно понимал бывшего одноклассника. Находясь рядом с Леной, невозможно было ее не любить. Невозможно было не желать быть рядом с нею, мечтать оказаться за одной партой, помочь донести портфель, угостить «Корзиночкой»...

– Мы немного припугнули ее, но это...

Виктор сжал кулаки. Он был совершенно трезв, но в этот момент ему вдруг захотелось врезать Шкету – как тогда, возле колодца, прямой правой прямо в глаз. Выместить всю злость, боль и обиду – даже не по отношению к себе, а из-за нее. Она-то тут причем?

Виктор сделал глубокий вдох, потом еще один. Кулаки его разжались. Суровый Илья Муромец, кажется, даже подмигнул с картины, мол, кулаки – хорошо, но выдержка и мудрость – куда более действенное средство.

Напрягшийся Шкет, судя по лицу, ожидал не только словесного выпада, но и более суровых мер – все же Виктор после отсидки приобрел чуть более серьезный авторитет, нежели тот, что дает школьный аттестат с хорошими оценками. Авторитет, признаваемый как раз в той среде, в которой вращался Шкет и, с какого-то времени – Леня Архангельский. Хотя, как он тут вообще оказался, рядом со школьным хулиганьем – еще предстояло выяснить.

– В общем... – после того, как состоялся суд над тобой, я хотел подойти к ней и извиниться за все... Знаешь, просто я видел, как она переживала за тебя и... когда тебе впаяли...

– Говори уже быстрее, – нетерпеливо произнес Леня и отвернулся к окну.

– Она... пропала сразу после суда. Как сквозь землю провалилась.

– А та... девчонка, что я видел? Вернее, женщина...

– Не знаю, про кого ты говоришь. Но ведь Ленка никогда не была толстая. Есть одна тут на районе, смутно похожа на нее, но это не она. Кажется, она с Борей постоянно ошивается. Боря этот металл со всей округи тащит и сдает его. Похожа, но это не она.

Виктор покачал головой.

Несмотря на неприятное известие, ему стало как-то легче, свободнее. Он даже почувствовал странную благодарность к этим двум алкоголикам.

– Я слышал от одной из ее подруг, что она вроде ушла в монастырь. Навсегда. Хотя нельзя сказать, что у нее были близкие подруги. Скорее – завистницы, которые наверняка обрадовались, что у нее все так вышло с Витей. А потом она вообще пропала с района.

– Получается, все эти годы... вы ее больше не видели?

Виктор вспомнил, будто это была вчера, как она пришла на суд и сидела в самом заднем ряду – тихая и неприметная, а когда судья зачитал приговор, он увидел, как маленькая слезинка скатилась по ее щеке.

Она хотела подойти к нему, но не успела – его быстро вывели из клетки в другое помещение. Виктор успел бросить лишь прощальный взгляд и прошептать: «Я тебя люблю». Больше они не виделись.

– Никто ее не видел. Ходили слухи, что она покончила самоубийством, но у меня есть знакомый в органах, я попросил пробить по базе. Она жива, – сказал Леня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.